

Евангелие от зверя

Василий Головачев

Логово зверя

«ЭКСМО»

1998

Головачев В. В.

Логово зверя / В. В. Головачев — «Эксмо», 1998 — (Евангелие от зверя)

ISBN 5-699-13472-4

Мастер единоборств Антон Громов в этой жизни повидал всякое: и тюрьму, и войну. В нечистую силу не верил, и без нее слишком много грязи и боли на земле. Но именно воины преисподней, служители храма Морока, что уже тысячи лет стоит на берегу священного Ильмень-озера, стали его противниками. И победить черное воинство можно только уничтожив Лик Беса – магический камень, служащий Мороку вратами проникновения в наш мир.

ISBN 5-699-13472-4

© Головачев В. В., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

ПОСЛЕДСТВИЯ ОШИБКИ	5
НАКАЗАНИЕ ЗА ОТКАЗ	14
НЕ ЗНАЕШЬ, ГДЕ НАЙДЕШЬ, ГДЕ ПОТЕРЯЕШЬ	20
ИЛЬМЕНЬ-ОЗЕРО	29
СЛУЧАЙНЫХ ВСТРЕЧ НЕ БЫВАЕТ	44
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Василий Головачёв

Логово зверя

ПОСЛЕДСТВИЯ ОШИБКИ

Ночь перед освобождением Громов спал плохо. Ему снилось все то же – бой в Бартангском ущелье, куда его забросили в составе группы рэксов¹ ГРУ с заданием взять в плен или уничтожить полевого командира таджикской оппозиции Сулеймана, – память даже во сне возвращала Антона к истокам истории, в результате которой он оказался в Шантарской колонии особого режима под Нефтеюганском...

Старшего лейтенанта Романа Козырева перевели в группу откуда-то со стороны, говорили, что из подразделения антитеррора ФСБ. Антона сразу насторожили его манера держаться – грубовато-фамильярная, снисходительная, нетерпимость к чужому мнению и склонность к жестокости во время тренировок по рукопашному бою.

Антон к этому времени уже восемь лет работал в Главном разведуправлении инструктором по рукопашному бою, преподавал унибос и барс², одновременно накапливая и отрабатывая элементы русского стиля, получившего среди мастеров боевых искусств название – русбой. Первый учитель Громова, один из адептов русского стиля, владеющий, кроме всего прочего, да-цзе-шу³, говорил:

– Сила бойца не в том, чтобы хорошо драться, а в том, чтобы не драться вообще.

Он имел в виду, что главное в искусстве пресечения боя – не показать свое мастерство, а не дать противнику провести прием. С тех пор Антон усвоил, что соперника надо бить, а не драться с ним, чем и руководствовался во всех ситуациях, какие бы ни случались в жизни. Но и он был против излишней агрессивности и жестокости в бою, учебном или реальном, применяя лишь то минимальное количество ударов или приемов, которые позволяли быстро и без возни вывести противника из строя.

Козырев же буквально наслаждался процессом избияния, не обращая внимания на чувства окружающих, и нередко травмировал спарринг-партнеров, прекрасно владея унибосом. На третьем занятии Антон не выдержал и остановил поединок, жестом попросив очередного члена группы с расцеченной бровью зайти в медпункт. Исподлобья посмотрел на разгоряченного схваткой, улыбающегося Козырева (метр восемьдесят пять, мускулистый, поджарый, можно сказать – красавец, если бы не нагло-презрительная складка губ и слишком глубоко и близко посаженные глаза):

– Молодой человек, боевые искусства не имеют ничего общего с тем садистским удовольствием, с каким вы работаете в спарринге. Прошу вас учитывать, что перед вами не враг, а ваш коллега.

– К черту, – небрежно отмахнулся Роман, показывая белые зубы. – Мы не в институте благородных девиц, пусть знает, что его ждет в реальном бою. Жизнь вообще надо рассматривать как бой. К тому же вы сами говорили, что противника надо бить, а не гладить.

– Но перед вами ваш товарищ, с которым, возможно, придется идти на задание.

– Пусть больше времени уделяет отработке приемов, я же только показываю изъяны в его боевой подготовке, которой, кстати, занимались вы.

¹ Рэкс – разведчик экстра-класса, жаргон спецслужб.

² Унибос – универсальная боевая система, наследующая школу боевого самбо; барс – боевая армейская система.

³ Да-цзе-шу – искусство пресечения боя (кит.).

Члены группы, среди которых не было ни одного рядового или сержанта, только лейтенанты, старлеи и капитаны, зароптали, но Антон поднял руку, и наступила тишина.

– Стало быть, я, по-вашему, плохой инструктор?

– Ну, не плохой, – засмеялся Роман, – но я знал сэнсэев и получше.

– Понятно. Становитесь.

– Что?!

– Покажите мне, на что вы способны. Разрешаю все приемы.

Роман недоверчиво сморщил нос, оглядывая лица сослуживцев, посмотрел на невозмутимо стоящего напротив Антона, глаза его сузились.

– А если я вас... уложу?

– Они свидетели: я беру ответственность на себя. Хотя предупреждаю: мой ответ вам не понравится. Но главное не в этом. Если вы проиграете, извольте выполнять все мои приказания.

Роман осклабился.

– Идет. Только я не проиграю. Видимо, нам придется искать нового тренера.

Он прыгнул к Антону, и начался короткий, но очень сложный в техническом и психологическом плане бой, в котором каждый из соперников решал совершенно противоположные задачи. Роман хотел доказать во что бы то ни стало свое превосходство, Антон просто реализовывал свои возможности. Он знал, что убить человека очень легко, гораздо труднее – победить. Как говорил его учитель Владимир Васильев, уехавший, к сожалению, несколько лет назад в Канаду: искусство убивать – всего лишь одно из вспомогательных умений, необходимых для того, чтобы жизнь была долгой.

Козырев на самом деле был хорошим бойцом, может быть, лучшим из тех, с кем до этого встречался Антон. До армейских прикладных боевых систем он явно изучал карате и кунг-фу, а также знал приемы да-цзе-шу, позволявшие остановить противника сильнейшей болью или повредить его руки, ноги, голову, ребра. Роман, вероятно, мог не хуже тайских мастеров ударом ладони перебить бедренную кость человека. Однако по-настоящему владеть боевым искусством – это значит уметь не только без всяких ограничений бить и бросать, знать приемы нападения и защиты, не оставляя противнику ни малейшего шанса ответить, но и полностью контролировать ситуацию боя, превращая любое действие соперника в свое оружие.

Роман отлично владел телом и приемы менял весьма органично, не задумываясь над тем, что будет делать в последующий момент схватки. Он тоже умел контролировать процесс воздействия на противника, извлекая максимум пользы из каждой конкретной боевой ситуации. Но все же уровень Антона был выше.

Антон вряд ли физически был слабее Романа, однако готовность найти нестандартный выход из положения, сила воли и устойчивость психики в жизни, а тем более в бою, оказываются необходимыми гораздо чаще, чем бычья сила и умение наносить мощные удары. Антон не просто дрался, используя богатейший арсенал приемов, он владел системой построения движения – своеобразной силовой паутиной возможных траекторий и способен был показать втрое больше приемов, чем Роман, который лишь выбирал – пусть и на подсознательном уровне – схемы ответов и движений, разработанных до него. И еще Антон владел биоэнергетикой тела, своего и соперника: часто обходясь даже без касания, заставлял его падать, отшатываться и промахиваться там, где, казалось бы, ничто не препятствовало проведению приема. Антон был человек-процесс, человек боя, мастер, и лишь такие самоуверенные, физически развитые, но недалекие в интеллектуальном плане люди, как Роман, не замечали его внутренней силы.

Русбой, как древнейшая система воинского искусства и самореализации человека, существовавшая задолго до кунг-фу и карате (это, по сути, его отголоски), позволял воздействовать на человека посредством магии движений, способных как убивать, так и излечивать от смертельных ран. Русбой, как современная система, заново открываемая собирателями и конструк-

торами праславянского воинского искусства, вобрав в себя лучшие методики разных школ, провозгласил девизом эффективность и универсальность, а целью – умение добиваться необратимого преимущества в любом бою, в любом месте и в любое время, находить нестандартное решение в любой ситуации и сохранять высокую боевую готовность при длительных перерывах в тренировках.

Многие приемы кунг-фу, айкидо, самбо, да-цзе-шу и тайдзюцу вошли в фонд возрождаемого русбоя органичными составляющими, ничуть не ломая его схем и базовых тактик, как бы подчеркивая то общее, что было когда-то разработано и внедрено предками. Были в арсенале русбоя и приемы смертельного касания дим-мак, и удары по «точкам смерти» на теле человека⁴, и восемь ударов шаолиньских школ, позволявшие остановить противника сильной болью, но не причинявшие существенного вреда здоровью: удары в брови, переносицу, ногой в голень, в грудь, в спину между лопатками и так далее.

Роман тоже знал эти удары, хотя применить пытался в основном приводящие к серьезным повреждениям или к смерти, но Антон ни разу не открылся, защищенный «силовой паутиной» возможных ответов, и сам вынудил противника войти в азарт и раскрыться. Удар Антона последовал неожиданно и был малозаметен – костяшкой указательного пальца в точку над губой, но этого оказалось достаточно, чтобы умирить пыл Романа и разозлить его до степени потери внимательности. Козырев взвыл от ярости и бросился в атаку со «строительством этажей», когда один кулак наносит два-три удара в разных направлениях, целя Антону в висок, в горло и в пах, однако нарвался на еще один не заметный с виду удар – в ключицу и отскочил, держась рукой за пораженное место. Антон мог добить его одним выпадом или бросить на пол, но не стал этого делать. Сказал, глядя в расширившиеся от боли глаза парня:

– Боевое искусство должно применяться только там, где требуется, и ровно столько, сколько необходимо для решения конкретной задачи. Я мог сломать вам ключицу или выбить зубы, но не стал этого делать, потому что не демонстрировал свои возможности, а отстаивал честь школы. Это разные вещи. Вы поняли?

– Вам просто повезло... – буркнул Роман, в глазах которого горело желание отомстить победителю, но он уже проиграл и понимал это, а вдобавок боялся боли. Губа у него уже вспухла и полиловела.

– Возможно, – согласился Антон, оставаясь спокойным. – Тем не менее вам придется выполнять мои требования. В противном случае будете заниматься у другого инструктора. Договорились?

Остальные члены группы оживились, задвигались, с уважением поглядывая на своего учителя, подтвердившего свое реноме и марку школы, а самый веселый из них, капитан Юра Шохов, хлопнул Романа по плечу и со смехом произнес:

– Не удалось нашему теляти волка съисты, как говорят братья-хохлы.

Этот инцидент произошел во вторник двадцать первого сентября, а уже в четверг двадцать третьего группу забросили в Таджикистан. Причем вместе с ней отправили и Антона, что оказалось для него полнейшей неожиданностью: обычно инструкторов его класса на задания не посылали, они приносили больше пользы, работая в учебке.

Группу высадили из вертолетов у края Бартангского ущелья днем, совершенно не скрываясь от чужих и своих собственных наблюдателей, потому что, по официальным данным, это был отряд русских военных строителей, который должен был начать строить военный городок в зоне границы Таджикистана с Афганистаном для контингента миротворческих сил. Всего выгрузилось двадцать пять человек, но из них лишь четырнадцать были строителями, осталь-

⁴ «Точек смерти» много, но наиболее известны семь: венечный шов, третье межпозвонковое пространство, ямки позади ушей, нагрудная ямка, кончик одиннадцатого, «плавающего» ребра, мошонка, сердце.

ные входили в разведдиверсионную дружину под командованием подполковника Мамедова, уроженца здешних мест.

Оружия по понятным причинам с собой не брали, оружие и экипировку для выполнения задания должны были подвезти позже в заранее подготовленное место, откуда отряд собирался начать рейд в горы, к месту расположения лагеря Сулеймана.

Что случилось потом, спустя несколько часов после выгрузки, Антон так и не понял. То ли плохо сработала группа наблюдения и подготовки, пропустив к лагерю «строителей» таджикских боевиков, то ли произошла прямая утечка информации (о готовящемся захвате знали высокопоставленные лица в Душанбе и в Москве), то ли изменилась обстановка и группу решили сдать или подставить, чтобы скомпрометировать командование российского ГРУ. Факт оставался фактом: когда к ущелью подошел отряд Сулеймана численностью в сорок человек, «строители» оказались безоружными на открытой местности и не имели ни малейшего шанса на отступление или сопротивление. Этот шанс появился позже, когда опьяненные легкой победой боевики на какое-то время потеряли бдительность.

Антон, с руками на затылке, стоял крайним в группе, возле нагромождения камней, за которым начинался крутой спуск к реке. Слева на каменистой площадке, где еще до прибытия строителей стояли две юрты чабанов, лежала груда строительного снаряжения, контейнеры, бочки, доски, а за площадкой, к которой вела узкая каменистая дорога, стояли три джипа и БТР боевиков. Сами они по-хозяйски разбирали вещи прибывших, копались в рюкзаках, ржали, расхаживали по площадке со вскинутыми к плечам дулом вверх автоматами и на пленников не глядели.

Группу охраняли трое бородачей, лениво жующих жвачку, но лишь один из них держал разведчиков под прицелом автомата, двое других носили оружие на ремне за плечами. Антон поймал косой взгляд Юры Шохова и понял, что тот готов действовать. Надо было отвлечь бандитов и начать атаку, прежде чем Сулейман примет решение списать строителей в расход или же взять в плен заложниками, что было не намного лучше.

Юра Шохов осторожно переместился подальше от Антона, по пути перемигнувшись с Мамедовым и двумя другими членами группы захвата – Сашей Морданем и Костей Божичко. Но подходящего момента все не было, охранник с автоматом не спускал с пленников глаз, лишь изредка поглядывая на своих собратьев за спиной, а отвлечь его было нечем. И в это время появился командир боевиков в сопровождении трех телохранителей, бородатый, как и они, с зеленой лентой через лоб, вооруженный новейшим крупнокалиберным пистолетом-пулеметом «ингрэм» американского производства, одетый в пятнистый комбинезон десантника. На плече у него красовался погон с золотыми кистями и одной огромной звездой, что, наверное, должно было обозначать звание – не то генерал, не то маршал. Это и был тот самый Сулейман, не признающий ни официальной власти, ни вооруженной оппозиции, ни Бога, ни черта. Человек, объявивший джихад всем, кто хотел мира этой многострадальной земле. Именно его и надо было захватить группе Мамедова. Фортуна словно смеялась над разведчиками, повернув их судьбу на сто восемьдесят градусов.

– Эй, развэдка, выходы впэрод, – сказал он с акцентом, оглядывая пленников нехорошим прицеливающимся взглядом. – Эсли нэ выдэш, расстрэляю всэх.

Солдаты-строители, не знавшие о принадлежности своих коллег к секретным спецподразделениям, начали недоуменно переглядываться, не понимая, чего от них хотят, разведчики же молчали, еще и еще раз прикидывая свои возможности и матерясь про себя в бессильной ярости.

– В последний раз гаварю. – Сулейман поднял пистолет-пулемет. – Я всо про вас знаю, кто и зачэм вас суда послал. Выходи па аднаму.

Антон понял, что если не начать сейчас, через мгновение будет поздно, их всех положат автоматными очередями, а против очереди в упор не поможет никакая школа рукопашного

боя. Он сделал шаг к бородачу слева, преданно глядящему на своего командира, но в это время вперед выскочил Роман.

– Я скажу, только не убивайте! Здесь только одиннадцать человек – спецгруппа десанта, остальные – «нагрузка», лохи из стройбата, за них хорошего выкупа не дадут... – Козырев говорил торопливо, слова насакивали одно на другое, застревали в горле, руки парня тряслись, и было видно, что он не играет.

– Маладэц, – засмеялся Сулейман, – мы тэбэ не убіем. Гавары.

И в этот момент Антон прыгнул к стерегущему их бородачу, одним движением пальца вырвал у него кадык и отобрал автомат. То же самое успел сделать Юра Шохов, начавший действовать одновременно с Антоном с другой стороны. Не дремали и Мордань с Божичко, бросаясь к двум другим охранникам, слишком поздно схватившимся за оружие.

Два автомата ударили точно и неожиданно, укладывая телохранителей Сулеймана и ближайших бандитов. Затем к ним присоединились автоматы Морданя и Божичко, а спустя несколько секунд заговорило оружие, снятое остальными разведчиками с убитых боевиков.

Бой длился около двух минут. Местность была открытая и спрятаться боевикам было негде, поэтому профессионалы диверсионно-разведывательной группы тратили на каждого не больше двух патронов, а когда те наконец опомнились и открыли ответный огонь, было уже поздно. Последних «воинов Аллаха» добили дружным залпом с трех сторон, изрешетив джипы и подорвав из гранатомета (также трофейного) БТР. Однако Сулейман, зверь битый и опытный, среагировал на атаку разведчиков так быстро, что едва не ушел.

Он бросился бежать сразу же после первого выстрела Антона, прикрывшись своими подручными, как живым щитом, а потом метнулся за юрты, где начинался спуск в ущелье. Мамедов и Костя Божичко этого не заметили, занятые своим делом, но увидел Юра Шохов, и Антону пришлось скакать за ним вприпрыжку под огнем боевиков, чтобы вовремя образумить. Однако он не успел.

Сулейман оставил за собой гранату с выдернутой чекой, срабатывающей с десятисекундной задержкой, и весельчак Шохов погиб, буквально наспигованный тремя десятками осколков, налетев грудью на взрыв.

Антон не стал догонять командира боевиков по его следу. Он вспомнил, как вьется, спускаясь, тропа, и успел ужом скользнуть вниз, цепляясь за выступы скал, к повороту тропы как раз перед тем, как на ней показался Сулейман.

Вожаком бандформирования, промышляющего террором и похищением людей, тот был, наверное, хорошим, раз за ним люди шли на любой риск, мастером же рукопашного боя – никаким. Конечно, некоторые приемы он знал, но больше привык полагаться на силу, автомат и на мощных качков-охранников, способных дробить кулаками кирпичи. Кроме того, он курил «травку», не способствующую повышению тонуса, и медленно уходил в мир безумия, доказывая это на практике: говорили, что Сулейман не просто издевался над пленниками, но делал это с наслаждением, растягивая пытки на много дней.

Они увидели друг друга одновременно, но реакция у главаря боевиков была все же не столь быстрой, и пока он разворачивал пистолет-пулемет – бежал Сулейман боком, глядя больше назад, – Антон успел метнуть в него кинжал, который раздробил кисть руки на рукояти «ингрема», а потом достал Сулеймана в прыжке, отбрасывая к скальной стене. И тут же хладнокровно добавил петлевой удар ногой в лицо, заставивший противника отшатнуться на краю тропы и с криком рухнуть в пропасть. Гранату, которую он держал в левой руке, Сулейман так метнуть и не успел, и она взорвалась уже где-то на дне ущелья.

Горы вздрогнули, породив недолгое рокошующее эхо, и наступила тишина.

Когда Антон взобрался обратно на площадку перед спуском в ущелье, там уже подсчитывали потери. У разведчиков погибло двое – Шохов и Божичко, у строителей – трое, и еще

пятеро было ранено. Боевики легли почти все, за исключением двоих-троих, которым посчастливилось скрыться в горах. Но компенсировать потери россиян это, конечно, не могло.

Роман, к удивлению Антона, уцелел, получив пулевое ранение в плечо. Самое смешное, что он на полном серьезе доказывал, что своим вмешательством пытался отвлечь бандитов, чтобы группа смогла начать атаку, а рана как бы служила доказательством его правоты, что впоследствии сыграло свою роль. Это именно его показания легли в основу уголовного разбирательства инцидента, якобы происшедшего по инициативе приданного спецгруппе захвата инструктора по рукопашному бою Антона Громова. Разбирательство длилось около двух недель, после чего Антон и получил срок – пять лет «за действия, повлекшие гибель членов спецгруппы «Рэкс» и солдат-строителей».

Оказывается, сопротивляться в условиях, в какие попала спецгруппа, было на самом высоком уровне признано нецелесообразным, а то, что командир боевиков Сулейман был убит, послужило дополнительным аргументом в пользу осуждения Антона. Как говорится, умом тебя не понять, российское правосудие, как не понять военное командование, по сути сдавшее своего работника в угоду политике. Но давно известно: то, что может сделать один дурак, не под силу исправить и десятку мудрецов, а жизнь показывает, что там, наверху, где всегда была тьма власти, дураков гораздо больше, чем мудрецов...

Так говорил сам себе Антон в порядке успокоения, понимая, что никто ему не поможет, когда его этапировали под Нефтеюганск, так он утешал себя в течение четырех лет отсидки (его выпустили на год раньше за примерное поведение) в колонии особого режима, работая на нефтедобыче. Он не копил в душе обид, зла и ненависти к тем, кто осудил его практически ни за что на пять лет, но в душе дал клятву разобраться с этой историей до конца – кому было выгодно представить все в таком свете, что виноватым оказался «стрелочник» – инструктор спецподготовки разведчиков-диверсантов. Вторым пунктом его плана возвращения в большую жизнь была попытка найти свое место в новой России, раздираемой политиками и олигархами на удельные княжества...

– Громов – на выход! – раздался голос дежурного по барaku. – С вещами!

И Антон, ощущая спиной взгляды зеков, с которыми прожил четыре года в одном бараке, слыша их приглушенные голоса – его уважали и желали удачи, – вышел в мутное августовское утро начала века, не зная, что ждет его впереди.

До станции Потудань он добирался пешком, пьяный от свободы, чистого летнего воздуха, неистойой зелени по обе стороны дороги, цветочных ароматов и желания проснуться. Взял билет на электричку до Нефтеюганска и не заметил, как доехал, занятый больше не внутренним созерцанием, а разглядыванием пейзажей и лиц пассажиров электрички, вдруг понимая, что соскучился по обыкновенным человеческим лицам, на которых можно было прочесть не только усмешку, наглое превосходство или желание «оторваться» на том, кто послабей.

В родной Ярославль он прибыл в ночь на девятое августа, усталый от впечатлений и переживаний, жадно прислушиваясь к разговорам вокруг и формируя мнение, что жизнь в России пока к лучшему не изменилась. По-прежнему простой народ терпел задержки зарплаты и пенсии, хамство и произвол чиновников, всевластие торговых людей, воровство и бандитизм. По-прежнему мафиози делили Россию на зоны контроля, а продажные политики в этом им способствовали. По-прежнему милиция боролась с бандитами, почти ничем от них не отличаясь. Но это как раз Антона не волновало. Он надеялся, что сможет избежать каких-либо конфликтов, устроиться на работу и вновь почувствовать себя человеком.

Такое настроение сохранялось у него несколько дней, пока он обживался в старой квартире родителей, за которой в течение уже многих лет со дня смерти мамы приглядывала ее сестра тетка Валя в надежде на то, что когда-нибудь в ней будет жить племянник. И вот надежды ее сбылись.

По истечении недели оптимизм Антона несколько приуныл, он понял, что действительность не столь радужна, как он себе ее рисовал, сидя за колючей проволокой. Денег у него было немного, а работу найти не удавалось, несмотря на давние связи и знакомства, даже в спортивно-прикладных секциях и клубах, не говоря уже о коммерческих структурах или спецорганах. Начальники отделов кадров данных организаций, увидев «ксиву» бывшего заключенного, только разводили руками, не желая брать на себя ответственность за человека с таким прошлым. Власть и чиновничья рать в Ярославле давно поменялись, и никто из ныне действующих спортивных и военных боссов не помнил бывшего чемпиона города по самбо и кикбоксингу, а как тренер, инструктор спецшколы, Антон был известен лишь ограниченному числу лиц, да и то в Москве.

К концу недели он окончательно пришел к выводу, что в Ярославле работы не найдет. Надо было ехать в Москву, восстанавливать связи там и, если не получится, устраиваться на любую работу, может быть, даже никак не связанную с его квалификацией и возможностями.

Разыскав в записной книжке номера телефонов старых друзей и приятелей, Антон позвонил в Москву, но поговорить смог лишь с Серафимом Тымко, которого знал еще по пятнадцатилетней давности периода обучения в школе спецназа, но ничего хорошего не услышал. Серафим был вежлив, однако ничего предложить Антону не мог, прямо сказав, что человеку с пятном в биографии рассчитывать особенно не на что. Звонил Антон и своему старинному другу Илье Пашину, но не дозвонился. Видимо, у Ильи сменился номер или он вообще уехал из Москвы.

подавив разочарование, Антон отложил поиски друзей на другое время и стал собираться в столицу, привычно составляя план на неделю вперед. А в понедельник утром, когда он закончил ежеутренний тренинг и завтракал, к нему заявились гости.

Их было двое: пожилой мужчина с неподвижным, испещренным морщинами, темным от северного загара лицом, и молодой человек боксерского вида, со сломанным носом и расплюснутыми ушами, белобрысый, с прической ежиком. Когда Антон на звонок открыл дверь, они молча уставились на него, словно ожидали увидеть кого-то другого, и Антон, хладнокровно выждав несколько секунд, без слов дверь закрыл.

Через мгновение звонок раздался снова.

– Извините, – заторопился молодой боксер. – Вы Громов?

– А вы кто? – не совсем вежливо поинтересовался Антон.

– Мы от одного очень уважаемого и авторитетного человека, – глухим насморчным голосом произнес морщинистый гость. – По поводу работы. Разрешите войти? Разговаривать на лестничной площадке как-то неудобно.

Антон молча посторонился, но в гостиную гостей не повел, усадил на кухне.

– Чай, кофе?

– Благодарим, по утрам не принимаем, – без улыбки сказал пожилой; чем-то он напомнил Антону помощника пахана в зоне, державшего под контролем всю колонию. – Мы знаем, что вы ищете работу, и хотим предложить хороший заработок.

– Кто это – мы? И что значит – хороший заработок?

– Хороший – это две-три штуки баксов в месяц, в зависимости от условий, плюс гонорар за выполнение задания. Мы – это одна серьезная дисциплинированная контора, требующая безусловного подчинения по вертикали.

– Мафия, что ли?

– Я бы не стал формулировать столь категорично, – скривил губы пожилой наниматель. – У нас свои отношения с законом, зато мы всегда добиваемся того, чего хотим.

– Что мне надо будет делать?

Гости переглянулись.

– Ты создаешь впечатление умного мужика, командир, – сказал боксер. – Неужели не догадываешься?

– Нет.

– Мы специализируемся на устранении неугодных боссу лиц и участии в рейдах по сопредельным территориям. Каждый рейд оплачивается особо. Ты прошел Афган, Чечню, так что должен знать, что это такое. Ну, как? Согласен?

Антон молчал, прикидывая, сразу ли спустить гостей с лестницы, отпустить с миром или подождать продолжения?

– Что молчишь? Надеешься устроиться? С такой биографией, после Шантарского курорта, тебе нигде ничего не светит.

Осведомленность гостей о его положении наводила на определенные размышления. Либо за Антоном следили с самого начала, с момента освобождения, либо у группировки, пославшей «менеджеров»-вербовщиков к бывшему инструктору ГРУ, был доступ к совсекретной информации спецслужб. Существовал, однако, еще один вариант: его проверяли люди как раз одной из спецслужб.

– Ну? – раздвинул большие, как олады, губы молодой человек; по-видимому, он действительно занимался боксом и был профессионалом.

Антон молчал.

– Может быть, тебе мало? – нахмурился пожилой «менеджер», переходя на «ты». – Скажи, обсудим. Профессионалов мы не обижаем.

Антон молчал, все еще не зная, что делать.

– Сколько хочешь?

– Да что ты с ним... – возмутился боксер, окидывая хозяина пренебрежительным взглядом.

Антон исподлобья посмотрел на него, открыл дверь кухни.

– Прошу.

Гости снова переглянулись.

– Ты че, мужик? – сузил глаза боксер. – Крыша поехала? С тобой ведь по-хорошему...

– Пошел вон!

– Да я тебя!..

– Усохни, Кувалда, – негромко сказал пожилой вербовщик.

Но боксер не послушался.

– Что ты с ним цацкаешься, как с шеф-поваром ресторана! Он же фраер недорезанный, четыре срока отмотал на нарах, а еще кочевряжится, делового из себя строит. Может, он вообще на хрен не годится, а мы его обхаживаем? Я же его одним пальцем перешибу!

Боксер сделал выпад правой рукой, целя в нос Антону, и тому ничего не оставалось делать, как пропустить удар – габариты кухни не позволяли увернуться, – слегка ослабив его поворотом головы. Однако боксер не имел понятия о приемах боя в условиях ограниченного пространства, и Антон в течение долей секунды успел съездить ему по расплюснутым ушам (тот вскинул руки и открылся) и дважды поразить парня в нервные узлы выпадами «утиного клюва» – сложенными определенным образом пальцами.

– Забирайте своего бугая, – невыразительным голосом сказал он. – Вы ко мне не заходили, я вас не видел.

Пожилый вербовщик неведомой криминальной конторы глянул на упавшего напарника, прошелся оценивающим взглядом по лицу Антона, но оружие доставать не стал, хотя, судя по всему, был вооружен.

– Не пожалеешь, мастер?

– Нет, – сухо отрезал Антон. – Вы ошиблись адресом.

– Босс не одобрит твоего поведения. Парень ты крутой, но не круче навозной кучи, как говорится. Оставлю я тебе телефончик на всякий случай, вдруг надумаешь.

– Не надумаю.

Антон помог пожилому привести в чувство боксера, проводил обоих до порога и закрыл за ними дверь. С минуту прислушивался к звукам на лестничной площадке, потом проследил, как помятые наниматели садятся в «БМВ» серебристого цвета с московскими номерами, и стал собираться в дорогу. В связи с возникшими обстоятельствами откладывать поездку в Москву не стоило.

НАКАЗАНИЕ ЗА ОТКАЗ

К последнему туру конкурса Ксения неожиданно успокоилась. Перед этим она волновалась ужасно, прошла предварительный этап «на автопилоте», потом стала следить за собой и реакцией окружающих и поняла, что есть шанс победить. Она была самой красивой из всех двенадцати претенденток на звание «Мисс Новгород», знала два языка, английский и французский, хорошо пела и танцевала, очень мило, без жеманства, отвечала на вопросы и чувствовала, как мнение жюри склоняется в ее пользу. И успокоилась. Несмотря на кое-какие досадные и порой огорчительные странные моменты. Так, вчера ей начало казаться, что за ней следят не только судьи конкурса и зрители, но и подозрительные личности с мрачными лицами, явно не соответствующими царящей на конкурсе атмосфере приподнятого настроения, праздничности и ожидания красивого зрелища. Они смотрели на нее из зала, провожали из костюмерной на сцену и обратно, сопровождали во время прогулок по городу и на теплоходе по Волхову и даже мелькали в гостинице «Великий Новгород», где жили все конкурсантки, несмотря на то, что гостиница охранялась секьюрити конкурса. Ксения, конечно, на всех поклонников мало обращала внимания, но двух мужчин и старуху с суровым, строгим, морщинистым лицом со следами былой красоты, запомнила, принимая их за журналистов, хотя они и не пытались приблизиться к ней, взять интервью или просто поговорить, как другие корреспонденты местных и центральных газет.

И все же взгляды этой молчаливой троицы изредка вызывали у Ксении внутреннюю дрожь. Но что стояло за этим разглядыванием, представить было трудно, да и не до того было Ксении, занятой своими мыслями и надеждами.

Последний конкурс после боди-программы – непринужденная светская беседа и ответы на вопросы – она прошла, покоров всех естественностью манер и умом, как во сне, чувствуя удивительную легкость в теле и эйфорическое головокружение, и уже не удивилась, когда именно ей досталась корона «Мисс Новгорода», увенчанная настоящим бриллиантом в двенадцать карат. Опомнилась Ксения лишь поздним вечером в своем номере в гостинице, когда отрыдалась от счастья и осталась одна после процедуры награждения. Позади были аплодисменты, восторженные речи, похвалы, предложения известных модельеров Новгорода и Москвы, суeta вручения короны и банкет. Впереди девушку ждали восхитительные заботы с подготовкой к новым конкурсам – «Мисс Россия» и в перспективе «Мисс Вселенная», работа в одном из рекламных агентств, круиз по Средиземному морю и летний отдых. Впереди Ксению ждала жизнь, потому что исполнилось ей всего восемнадцать лет.

К ней пришли в первом часу ночи – те самые угрюмые личности во главе со старухой, властный взгляд которой выдавал в ней натуру целеустремленную, суровую и непреклонную. Перечить ей было боязно.

Ксения только что приняла душ, накинула пеньюар, прошла по комнате номера, еще вслушиваясь в звучащие в ушах аплодисменты и улыбаясь своим ощущениям, как вдруг обнаружила, что она в комнате не одна. Вскрикнула от страха и изумления, машинально запахивая прозрачный халатик под взглядами мужчин.

– В-вы кто?! Как вы здесь оказались?!

– Успокойся, – строго сказала старуха. – Поговорить надо.

– Ни о чем я с вами разговаривать не буду, уходите!

– Будешь, милая. – Глаза старухи вспыхнули, и слова протеста застыли у Ксении на губах. – Сядь!

Девушка села, вернее, почти упала на диван, с недоверием и страхом глядя на непрошенных гостей, вспомнила об охранниках конкурсанток, потянулась было к телефону, но под взглядом старухи замерла.

– Никто тебе не поможет, – усмехнулась та. – Да и не нужны тебе помощники.

– В чем дело? – пролепетала Ксения. – Кто вы такие? Зачем пришли ко мне... так поздно?

Старуха глянула на мужчин, похожих друг на друга застывшим выражением лиц; один был высокий, смуглолицый, черноволосый, второй на две головы ниже, но вдвое шире, с русыми волосами, бородатый и усатый, но тем не менее они действительно походили друг на друга, как братья, особой звероватой статью и походкой, скрытой силой и темными, ничего не выражающими взглядами. Повинуясь жесту старухи, оба бесшумно вышли из номера, закрыли за собой дверь. Старуха осталась стоять посреди комнаты, оглядывая ее убранство, перевела взгляд на Ксению.

– Меня зовут Пелагея, я жрица храма Бога Морока. Знаешь, кто это такой?

– Нет, – прошептала Ксения одними губами, борясь с головокружением.

– Скоро узнаешь. Это великий воинственный Бог, он может дать тебе все: здоровье, силу, богатство, славу, – но и требует за то особого служения. Тебе будет дана великая власть, и ты нам подходишь.

– Почему?

– Потому что тебе восемнадцать лет, ты красивая и сильная и еще девица. – Синеватые сухие губы старухи раздвинулись в усмешке. – Когда-то и я была такой же. Собирайся, нас ждут. Скоро Морок засобирается домой из нашего мира через Ильмень-озеро, и мы должны успеть провести обряд посвящения.

– Но я... не хочу! – растерялась Ксения.

– Ты не понимаешь, красавица. Став жрицей храма, будешь иметь гораздо больше, чем сейчас. Да, кое-чем придется пожертвовать, но эта жертва ни в какое сравнение не идет с тем, что ты получишь.

– Какая жертва... о чем вы говорите? – прошептала Ксения, чувствуя, как на нее надвигается что-то темное и страшное. – Ничего не понимаю...

– Говорю тебе – поспеши, по пути все узнаешь. Этот год лют для нас, жриц, три уже преставились, замена нужна. Кроме тебя, еще двух девах надо сыскать и подготовить к посвящению.

– Я не... – Ксения осеклась.

Зазвонил телефон. Женщины посмотрели на него с разными чувствами: Ксения с надеждой, старуха Пелагея с досадой и недоумением. Девушка потянулась к нему рукой, но жрица храма Морока оттолкнула ее руку, неодобрительно покачала головой.

– Твоему дружку не стоило бы звонить так поздно.

– Откуда вы знаете, что это он? – покраснела Ксения.

– Знаю, – отрезала Пелагея. – Ну, я долго буду тебя ждать?

– Я никуда не пойду, – тихо, но твердо проговорила Ксения, внезапно ощущая ледяной озноб. Показалось, в комнате повеяло зимней стужей. – Уходите немедленно! А то позову охрану. Никакой власти и ваших подарков мне не надо, и жрицей вашего Бога я становиться не собираюсь.

Брови старухи сдвинулись, глаза сверкнули. Ксения почувствовала толчок в голову, едва не упала на пол от нахлынувшей слабости. Присела на кровать, держась за сердце.

– Уходите, прошу вас...

– Нет уж, красавица, или ты пойдешь с нами добровольно, или... – Старуха не договорила, снова пронзительно зазвонил телефон.

Угрюмо глянув на него, жрица сняла трубку, лицо ее напряглось и потемнело.

– Не суйся не в свое дело! – процедила она сквозь зубы. – Твое заступничество еще никому не принесло пользы. Ты знаешь, Закон жертвы – универсальный закон нашей жизни, которая есть топтание в болоте обыденности. Каждая ступень эволюции Вселенной достигается жертвой, за каждое деяние надо платить.

Что ответил Пелагее неизвестный абонент, Ксения не услышала. Лицо старухи исказила злобная гримаса.

– Ты все равно не успеешь, волхв, а мы найдем себе учеников, не здесь, так в другом месте. Россия велика. Неужели не устал бороться с неизбежностью творить так называемое «добро»? Нет никакого добра в мире, нет никакого зла⁵, но те силы, которые создают одно, творят и другое. Если ты этого до сих пор не понял, мне тебя жаль.

Старуха бросила трубку на телефон, и тот стал оседать, расплываться лужицей черного желе, испаряться, таять.

– Жаль, красавица, что мне не удалось тебя убедить. К сожалению, я не могу силой заставить тебя... – Старуха остановилась, потом добавила: – Но защитник твой не успеет прийти на помощь, он слишком далеко.

– Кто... он?

– Зачем тебе знать? Есть один... колдун, Евстигнеем кличут, да только один в поле не воин, и помощников у него нету. Ну все, девица-красавица, прощай, не встретимся мы боле в этой жизни, может, в следующей только.

– Я не хочу вас видеть... – прошептала Ксения, чувствуя новый приступ слабости, еще сильнее прежнего.

– А и не увидишь уже.

Старуха повернулась и вышла из комнаты. Последнее, что успела Ксения охватить гаснущим сознанием, было странное видение: будто потолок над ее головой вдруг превратился в дрожащий слой жидкости, пробежала по нему круговая волна, как от падения камешка, потом с него сорвалась вниз огромная водяная капля и тяжело ударила в лоб девушке. Больше она ничего понять не успела.

Наутро ее нашли мертвой, лежащей на полу посреди комнаты с открытыми глазами, в которых застыло странное выражение недоумения и ужаса.

Друзья и подруги пророчили Ольге Кондаковой карьеру кинозвезды, абсолютно не лукавя при этом: девушка была стройна, красива и умна, однако сама она выбрала другой путь – фотомодели и манекенщицы, впервые в пятнадцать лет попав на показ мод «от кутюр», проходивший в Новгородском театре драмы. С тех пор она мечтала только о карьере топ-модели, тайком от всех начав брать уроки танцев и «благородных манер» в единственной на весь Новгород школе современного бального искусства. Закончив лицей, она пришла к одному из самых известных модельеров города Борису Лисицину и предложила себя в качестве манекенщицы.

Лисицин сразу оценил природные дарования девушки, а также смекнул, какую пользу может из этого извлечь. Именно поэтому он не стал разворачивать процедуру «стандартного знакомства» с явной претенденткой на титул «топ-модель салона» – через ресторан и постель, а сразу ввел ее в коллектив. Через месяц впервые появившись на подиуме нового новгородского культурного центра «Россия», Ольга произвела фурор. Лисицин даже предположить не мог, каков истинный потенциал обаяния его новой модели, хотя и порадовался ее успеху и своей прозорливости.

Он начал появляться с Ольгой «в свете», на приемах и фуршетах, показал ее в Москве известным отечественным кутюрье и потерял голову окончательно, ибо Ольга была не просто девушкой строгих правил, но и вполне понимала, чего от нее хотят и чего она может достичь. Лисицин сделал ей предложение стать его женой (уже третьей по счету) в день рождения Ольги: двадцать первого августа ей исполнялось восемнадцать лет. Ольга не сказала ни да ни нет, обещав подумать над предложением, хотя для себя уже решила, что Лисицин ей не пара и надо

⁵ Каббалистическая аксиома.

искать более подходящий альянс. Пора было переезжать в Москву, где работали такие мастера, как Юдашкин, Зайцев и Марина Вэй.

Ольга никогда не отличалась наблюдательностью, однако все же заметила необычное внимание к своей особе со стороны странной троицы: двух мужчин средних лет и старухи с властным и строгим лицом. Мужчины даже в летнюю жару не снимали темные костюмы и плотные рубашки, а старуха носила какое-то старинное фиолетовое платье с оборками, черный ажурный жакет и потерявший цвет темный платок.

Впервые они появились в демонстрационном зале салона вечером двадцать третьего августа, и Ольга сразу отметила необычность поведения гостей, явно не желавших, чтобы их замечали. Это впечатление оказалось верным. Троица буквально терялась на фоне стен, словно призраки, стоило обратить на них внимание, но самым интересным было то, что охрана салона действительно этих людей не видела. Будто их на белом свете не существовало вовсе.

Между тем Ольга не раз ловила взгляды старухи, заставлявшие ее чувствовать стеснение и неприятный холодок в груди, а когда поделилась своими впечатлениями с подругой, гости исчезли... чтобы появиться еще раз и еще, пока Ольга не занервничала всерьез, вдруг сообразив, что неведомые ценители моды приходят смотреть именно на нее. Она уже собралась рассказать о неприятных посетителях Лисицину, когда упомянутые три мрачные личности появились в костюмерную, где к этому времени оставалось всего двое девушек – сама Ольга и ее напарница и подруга Светлана.

– Иди домой, милая, – сказала старуха, глянув на Светлану так, что та проглотила все свои возражения. – А ты останься! – Взгляд посетительницы уколол Ольгу.

– Почему это? – строптиво возмутилась она, преодолев секундное замешательство. – Мне тоже надо идти домой.

– Сначала поговорим.

– Да кто вы такие? – Ольга почувствовала страх, хотя и попыталась его скрыть. – Что вам от меня нужно?

Старуха кивнула своим молчаливым спутникам, и те вышли следом за Светланой.

– Меня зовут Пелагея. Я жрица храма Морока. А теперь молчи и слушай, вопросы будешь задавать потом.

И Ольга услышала удивительную историю, которую вполне можно было назвать сказкой, если бы не жутковатый ее подтекст и присутствие живой жрицы древнего арктического Бога Морока, слуги еще более древнего и сильного Бога Чернобога, о котором Ольга до сего дня ничего не знала.

Оказывается, Морок, Бог северного ветра, войны и хищников, всего того, что связано с насилием, существовал с Начала Начал Вселенной. Жил он сперва на Земле, на Арктическом материке, но когда тот погрузился в воду, а океан покрылся льдами, Морок нашел себе другое место обитания, в каком-то другом мире, в недоступной живым людям реальности, и лишь раз в двадцать пять лет выбирался через какую-то лазейку в земной мир, чтобы насладиться его красотою и эмоциями. Эта лазейка в нынешние времена оказалась на месте озера Ильмень.

С течением времени она постепенно «застарела», Богу все труднее становилось протискиваться через нее на Землю, и тогда он сформировал из людей касту служителей, жрецов и жриц храма Морока, которые хранили некий камень с его изображением на дне озера Ильмень, служащий маяком, указывающим место перехода, а заодно поддерживали неизменным состав касты и ритуал, необходимый для того, чтобы Морок нашел обратную дорогу в свою обитель.

Жрицами же храма могли стать только девственницы, достигшие зрелости, то есть восемнадцатилетнего возраста. Бог любил исключительно красивых и обаятельных девушек, якобы способных умерить его кровожадность и агрессивность. Зато и жрицы в ответ приобретали знания, силу и власть, не доступные другим людям.

– Собирайся, – заключила Пелагея. – Хотя ничего особенного брать с собой не надо, ты все получишь после посвящения.

– Но я вовсе не собираюсь становиться какой-то там... жрицей, – воскликнула девушка. – Меня это совсем не привлекает!

– Ты не понимаешь...

– И не хочу понимать! Уходите, я с вами никуда не пойду. И вообще все это сказки... про вашего Морока... – Ольга фыркнула. – Нашли имечко...

Глаза старухи вспыхнули угрозой, и у девушки перехватило дыхание.

– Или ты пойдешь с нами добровольно, или...

– Или что?

Портрет какого-то бородатого мужчины на стене костюмерной вдруг подмигнул Ольге, а по стене пробежала странная дрожь, будто она стала оживать.

– Я не могу тебя заставить, красавица, – усмехнулась старуха, заметив страх в глазах девушки, – ты должна сделать выбор сама. Но одно обещаю твердо: будешь иметь все, что захочешь, жить там, где захочешь, а самое главное – *сколько* захочешь. Как думаешь, долго ли я живу на свете?

– Не знаю... – прошептала Ольга, потихоньку отступая к шкафу. – И знать не желаю. Уходите.

– А напрасно, милая. Мне уже полтора года набегало. И ты будешь жить так же долго, в довольствии и радости. Ну, идешь?

Ольга с ужасом посмотрела на вновь «ожившую» стену, отступила еще дальше, покачала головой.

– Не пойду...

– Ну и глупая, от счастья своего отказываешься... да и от жизни тоже. До чего же свое-нравная молодежь пошла, уговорами не возьмешь. Меня, например, не уговаривали, сказали – иди! – и я пошла. Последний раз предлагаю, дурочка, идем со мной. Не пожалеешь.

Глаза Ольги наполнились слезами, фигура старухи расплылась, стала исчезать. Дурнота подступала к горлу, сердце трепыхалось в груди испуганной птицей, ноги слабели, в глазах мерк свет. Но все же она смогла набрать сил, чтобы ответить:

– Не хочу!..

Когда ей удалось вытереть слезы, в комнате никого не было. Но от этого лучше не стало. Портрет на стене прекратил подмигивать, мужчина с трудом вылез из него в костюмерную, как сквозь узкое окно, направился к Ольге, буквально протискиваясь сквозь ставший густым, как кисель, воздух. Вздрагивающая стена превратилась в жидкое зеркало, по которому побежали волны, будто круги по глади озера от брошенного камня, и вдруг эти волны водопадом хлынули на пол, затопили всю комнату. Последнее, что увидела Ольга, теряя сознание, был жест отчаяния, который сделал спешивший к ней бородач: он не успевал прийти к ней на помощь. Потом наступила темнота...

Охранник салона, обходивший помещения в двенадцать часов ночи, обнаружил Ольгу лежащей на полу костюмерной с открытыми глазами, в которых застыли удивление и ужас. «Скорая помощь», приехавшая через полчаса, ничем помочь ей уже не могла.

Смерть Ольги Кондаковой осталась почти не замеченной журналистами и работниками следственных органов, потому что медики причиной смерти назвали остановку сердца от какого-то сильнейшего стресса. Врагов у девушки не было, с дурными компаниями она связи не имела, наркотиками не баловалась, и следователю в этом деле копать не захотелось. Да и ловить было некого. Все казалось очевидным: Ольга Кондакова испугалась – чего или кого именно, выяснить не удалось, – и сердце ее не выдержало. Лишь один журналист, корреспондент новгородской газеты «НЛО», заметил сходство смерти Ольги с не менее загадочной смер-

тью первой красавицы города Ксении Иваниченко, умершей при таинственных обстоятельствах сразу после победы в конкурсе «Мисс Новгород» и церемонии награждения. Эта смерть потрясла город месяц назад, и тогда следствие тоже не выявило виновников случившегося. Ксения, как утверждала экспертиза, умерла от спазма легких, от удушья, хотя никто ее, судя по отсутствию следов на теле, не душил.

Примерно в то же время, незадолго до начала нового учебного года, произошло еще одно событие, оставшееся практически не освещенным прессой: без вести пропала восемнадцатилетняя девушка, поступившая в Новгородский педагогический институт. Поскольку была она сиротой и воспитывалась в детдоме, никто ее не разыскивал, в том числе и милиция, ограничившись беседой с приятелями и подругами пропавшей – не собиралась ли она покончить жизнь самоубийством. Подруги утверждали, что Валентина была очень целеустремленной и оптимистичной натурой и ни о чем подобном не думала. Единственным ее недостатком, как считали те же подруги, было какое-то болезненное увлечение славянской мифологией, ради которой Валентина могла уехать хоть на край света.

НЕ ЗНАЕШЬ, ГДЕ НАЙДЕШЬ, ГДЕ ПОТЕРЯЕШЬ

Сон был тревожным и странным.

Он плутал по лесу в тумане, спотыкаясь о корни деревьев и внезапно появлявшиеся кочки и камни, ветви столетних дубов и кленов хлестали его по лицу, цеплялись за одежду, невидимые руки хватали за ноги, за рукава куртки, за волосы, ухал филин, бесшумно метались над головой нетопыри, чиркая крыльями по лицу, а издалека звал его чистый, удивительно глубокий и печальный, дивной красоты девичий голос, и хотелось плакать в ответ, мчаться туда, теряя остатки разума, и отыскать ту, чья песня разносилась по лесам и полям, хватала за душу и выворачивала наизнанку...

Илья проснулся в тот момент, когда деревья перед ним расступились, впереди открылась поляна с изгибом реки, а в высокой траве стояла Она в струящемся и светящемся платье, с нимбом волос, необычайно красивая, но зыбкая, как отражение в воде, и тянула к нему руки, и звала к себе...

По обыкновению он лежал некоторое время неподвижно, глядя на узорчатый потолок и все еще слыша внутри себя зовущий голос, потом дотронулся до щеки и покачал головой: щека была мокрой, как будто он действительно плакал во сне.

Потолок над ним вдруг зыбко вздрогнул, на миг превратился в зеркало воды, по нему пробежала круговая волна, как по глади озера от брошенного камня, собралась в центре, и вниз сорвалась огромная водяная капля, целя Илье прямо в лицо. Не среагируй он, капля попала бы в лоб, а так – звучно шлепнулась в подушку и прожгла в ней дыру величиной с кулак. После этого потолок успокоился, стал потолком, твердым и гладким. Илья посмотрел на него подозрительно, готовый к действию, перевел взгляд на подушку и с минуту созерцал прожженную дыру в состоянии прострации. Потом сказал вслух глубокомысленно:

– Или я сплю, или одно из двух...

Еще не веря, что все это с ним произошло наяву, он провел рукой по подушке, ощутил отвердевшую, будто покрытую пластмассовой корочкой впадину, покачал головой и пошел умываться и медитировать. Через час он был в норме, сознательно не давая себе возможности задуматься над тайной пробуждения, однако подушка так и не приобрела за это время былой формы. Капля с потолка-«озера» прожгла-таки ее на самом деле. Тогда Илья принялся исследовать потолок, подушку, всю спальню, гостиную и кухню, ничего необычного не обнаружил и проговорил, глядя на себя в зеркало трюмо:

– Полтергейст, однако...

Отражение мрачно смотрело на него и молчало. Оно знало хозяина и не сомневалось в его трезвости.

Илья вообще по натуре был боец, он не комплексовал даже в тех случаях, когда сам Бог велел жаловаться на умопомрачение – такое случалось с солдатами в Афганистане и Чечне. Однако Илья попадал и в более жуткие передрыги – стоило вспомнить хотя бы чеченский плен, когда у него на глазах боевики отрезали у пленников, одного за другим, яйца, – и выходил из них живым благодаря твердости характера и бойцовским качествам. Поэтому, наверное, он и смог стать «символом приключений и путешествий России», «фигурой номер один в мире путешествий», как писали газеты и утверждало телевидение, постоянно держа его под прицелом телекамер, в то время как журналисты изошрялись в подборе эпитетов. Его называли и «русским Рембо», и «московским Индианой Джонсом», и «человеком глобуса», и даже «самым народным дипломатом», потому что за свои сорок лет Илья исходил и изъездил весь мир в поисках приключений и его знали и принимали многие великие политики, президенты, цари, вожди племен. Потому что Илья Константинович Пашин, президент-основатель Российской школы выживания, был профессиональным путешественником, искателем приключений,

поставившим целью оставить свой след в самых труднодоступных уголках планеты Земля, а если удастся, то и на других планетах.

Как писали все те же газеты, «даже строки его биографии читаются как фрагменты приключенческого романа, а количество званий, профессий и регалий заставляют подозревать в нем долгожителя, перешагнувшего столетний рубеж...» Но главное – газетчики не преувеличивали.

Илья был лидером-организатором и руководителем двух десятков научно-исследовательских, экстремальных и авантурных экспедиций, действительным членом Русского географического общества, президентом Фонда русских экспедиций и путешествий, экспертом по комплексному выживанию в экстремальных условиях, академиком, действительным членом Международной академии проблем сохранения жизни, президентом Транснациональной ассоциации школ выживания «Vitalis», журналистом, инструктором по подводному плаванию, рукопашному бою, водителем-испытателем и прочая, и прочая... И видимо, именно его образ жизни, постоянный поиск, полет, риск не дали ему возможности встретить подругу жизни, увлеченную приключениями так же, как он.

Это он организовал экспедицию по поиску погибших кораблей на Черном море, побывал у каннибалов Ириан-Джаи в Индонезии, в Папуа – Новой Гвинее, путешествовал к истокам Ориноко по джунглям Амазонки вместе с племенем индейцев Яномами, посетил необитаемые острова Белого моря, изучал быт хантов, чукчей, ненцев, эвенков на Крайнем Севере, пересек пустыню Атакама в Чили, провел ночь на действующем вулкане на Камчатке, добрался до неизвестных миру монастырей и дзонгов в Непале, Бутане и Тибете, и так далее, и тому подобное. Остановить его в стремлении увидеть невиданное и узнать незнаемое не могло и стихийное бедствие. Хотя попытки остановить были. Например, такие, как задержание его спецслужбами некоторых стран, или убийство проводника в Непале, или поджоги палаток. Последней из таких попыток было письмо, полученное им вчера.

Илья заварил травяной чай и, потягивая обжигающе горячий напиток, зашел в гостиную, где на журнальном столике лежала корреспонденция, накопленная за неделю. Упомянутое письмо с конвертом без обратного адреса было среди других, еще не вскрытых писем.

Письмо, отпечатанное на плотной белой бумаге с тисненым золотым крокодильчиком, состояло всего из трех фраз: «Уважаемый Илья Константинович, не суйте свой нос куда не следует! К озерам вам путь заказан! Любая ваша попытка будет пресечена!»

Илья хмыкнул, отбрасывая листок с загадочной угрозой. Ни к каким озерам в ближайшее время он не собирался. Письмо было либо чьей-то не очень удачной шуткой, либо пришло к нему слишком рано. Хотя интересно, о каких таких озерах идет речь? И что за секреты прячут эти озера, если некто, владеющий компьютером и принтером (письмо явно отпечатано на принтере), заинтересовался планами знаменитого путешественника и решил принять превентивные меры воздействия?

Еще раз глянув на золотого крокодильчика в уголке листа (странная эмблемка, надо признать), Илья вытащил из груды корреспонденции еще одно письмо, пришедшее откуда-то из Новгородской губернии, прочитал обратный адрес и фамилию адресата – Савостина Мария Емельяновна, вскрыл конверт.

Это письмо оказалось не менее загадочным, чем первое – с угрозой. Оно было настолько необычным, что Илья прочитал его дважды, прежде чем вник в суть проблемы, хотя и оценил ее одним словом: бред!

«Уважаемый Илья Константинович, – писала женщина (так же начиналось и письмо с предупреждением), – не раз читала в прессе статьи о ваших смелых и уникальных экспедициях и исследованиях, в том числе в так называемые «аномальные зоны». Еще знаю, что Вы человек не только знающий, но и верующий, а таких сейчас очень и очень мало. Именно поэтому я не

боюсь довериться Вам, потому что, наверное, только Вы сможете понять, поверить и помочь, другие сочтут мой рассказ выдумкой или отделаются пустыми словами.

Я родилась в тысяча девятьсот двадцать третьем году в Хабаровском крае. Родители в сороковом году переехали в Новгородскую губернию, село Парфино, но мама вскоре умерла от рака, отец в сорок первом году погиб на войне, точнее, пропал без вести подо Ржевом, а меня приютила тетка Лиза, двоюродная сестра мамы. Но в том же году меня нашли жрицы местного скита, поклонявшиеся одному странному Богу (об этом ниже), и в восемнадцать лет я стала послушницей скита. До этого мне приснился страшный сон: будто я на кухне ставлю чайник в печку и вдруг слышу в комнате нечеловеческий стон. Так стонут лоси, когда их добивают. Я кинулась в комнату. Дверь открыла не сразу, будто кто держал ее, а когда вбежала, увидела на полу бившуюся в конвульсиях тетку Лизу с почерневшим лицом. И еще увидела, что потолок над ней похож на лужу с бегущими по ней волнами. Потом потолок разгладился, тетка Лиза посмотрела на меня дико, протянула ко мне руки, крикнула: «Не дам ее!» – и умерла. Я закричала и проснулась в холодном поту.

Она действительно умерла через несколько дней, врач сказал – от удушья, но лишь много лет позже я узнала, что Лиза хотела спасти меня от участи жрицы, отвести от меня беду, однако так и не смогла помочь. А я тогда была молодая, несмышленная, робкая, всего боялась, и когда мне предложили пойти в скит – безропотно согласилась. У меня даже парней знакомых не было. Один завелся было – Игорем звали, да погиб перед появлением гонцов главной жрицы. К слову, глупо погиб и загадочно: спускался в погреб, поскользнулся на совершенно сухой ступеньке, упал вниз и сломал шею.

Теперь о главном.

Бог, о котором я говорила, имеет много имен. Здесь, на Новгородчине, его называют Мороком, хотя на самом деле это скорее всего псевдоним Чернобога, Правителя мертвых и стража несокрушимой Башни в царстве смерти, хранителя волков и собак Преисподней. Это злой северный Бог, Бог войны, хищников и всего того, что связано с насилием, хотя вернее было бы называть его демоном, а не Богом. Через каждые двадцать пять лет он на пять-шесть лет через озеро Ильмень выходит в наш мир, и тогда на Земле начинается полоса войн, конфликтов, всплеск терроризма и насилия. Все служители его храма, расположенного на берегу озера (хотя из простых людей его никто не может увидеть), должны выполнить на воде особый ритуал над лежащим на дне камнем с изображением Бога. Этот камень называется Лик Беса. Ритуал сложен и страшен: девственниц, избранных в гарем Бога, убивают прямо во время полового акта с главным жрецом, олицетворяющим самого Бога, чтобы они попали в царство смерти именно в гарем Морока. И длится ритуал, пока Бог-жрец не насытится. Оставшиеся в живых послушницы пополняют гарем Бога на Земле. Бог появляется из камня в мужском обличье и пользуется своим гаремом на протяжении всего цикла появления, причем всегда делает это через насилие, через боль и ужас.

Камень, или Врата, через которые он восходит из своего ада на Землю, боится воздуха и может менять свой вес. Перед самым прибытием Морока он почти ничего не весит, и его можно вытащить из озера. Его надо во что бы то ни стало уничтожить! Тогда Морок не найдет обратной дороги и больше не будет тревожить людей.

В тысяча девятьсот сорок первом году я впервые приняла участие в обряде посвящения в качестве послушницы гарема и до сих пор помню весь этот ужас. До полуночи нас насиловали жрецы храма и убивали, убивали... Описывать свое состояние и всю процедуру не буду, я осталась жива, но ужас и сейчас живет в моей душе. Потом я еще раз участвовала в обряде – жрицей, будучи уже в возрасте – в семьдесят первом году, и снова душа моя корчилась и плакала, видя мучения послушниц. Вот почему я не приняла веру храма и не стала верховной жрицей.

Это письмо я передам через деда Евстигнея, волхва, отдавшего всю жизнь борьбе с Мороком, только так оно имеет шанс дойти до вас.

Кстати, каждое появление Морока в озере сопровождается странными явлениями – ночной радугой и светящимися облаками, принимаемыми всеми за НЛО. Над Ильмень-озером их видели многие.

Прошу Вас поверить моему покаянию. Я ничего не придумала и не сочинила. Морок существует, как существует и система нижних и верхних миров (почитайте Андреева, Трисмегиста, Шемшука, Успенского, других эзотериков), озеро тоже имеется в наличии, а камень с Ликом Беса покоится на его дне. Найдите его ради Бога, а если не сможете уничтожить, то хотя бы перенесите в другое место. Найти его, с одной стороны, легко – он лежит в трехстах метрах от берега на прямой линии, соединяющей мыс Стрекавин нос на Ильмень-озере и село Пустошь на противоположном берегу, а с другой – очень трудно, потому что его стерегут жрецы храма и черные колдуны, пользующиеся силой Беса, умеющие отводить глаза и убивать людей чарами.

Поверьте, я уже старая и скоро умру, но Ваш подвиг позволит мне умереть прощенным человеком, да и не только мне, но и еще двум жрицам, лелеющим мечту уничтожить зло. Помогите нам, и Вы отведете страшную беду от многих и многих. Вы сможете, я уверена.

Последнее. Не доверяйте ученым, они захотят сохранить камень, изучить его, а это недопустимо. Да поможет Вам Бог!»

– Бред! – повторил Илья вслух, размышляя над письмом и над тем, что произошло с ним утром. Ни в какие рамки разумных объяснений это не укладывалось. Совпадение же было налицо: его предупреждали не зря, а это означало, что письмо Савостиной было утечкой информации из стана таинственной секты, обслуживающей храм Бога Морока, или Чернобога. И действовали жрецы решительно... если только они существовали.

Илья прислушался к себе. Конечно, сомнения в истинности истории у него оставались, но интуиция, подкрепленная утренним происшествием, подсказывала, что глубоко законспирированный храм Бога Морока-Чернобога существует на самом деле. И очень хотелось поискать камень, о котором говорилось в письме бабушки Савостиной, на озере Ильмень, тем более что Илья ни разу в тех краях не был.

А ведь у меня там родственники имеются, вдруг осенило его. По дедовой линии – дядька Федор Ломов, к примеру. И живет он аккуратно в Парфино, откуда послала письмо Мария Емельяновна Савостина.

Хмыкнув, Илья подивился такому совпадению и принялся собираться на работу. Звонок телефона застал его уже в дверях.

– Илья Константинович Пашин? – раздался в трубке тихий безликий мужской голос.

– Он, – коротко ответил Илья. – С кем имею честь?

– Это неважно. Хотелось бы вас предупредить. Вы уже получили письмо?

Илья подобрался.

– Я получаю много писем. О каком именно речь?

– О том, где вас просят найти один интересный камень якобы с изображением черта.

– Откуда вы знаете о нем? Кто вы?

– И это неважно. – Трубка донесла тихий безразличный смешок. – Может быть, я врач-психиатр. Написавшая вам женщина – психически ненормальна, поэтому не стоит относиться к ее писаниям серьезно. А вам я хочу дать совет...

– Милостивый государь, – проговорил Илья, сдерживаясь, – я вполне обойдусь без ваших анонимных советов. Хотите поговорить – приходите ко мне домой или в Школу, а советы по телефону – это для слабонервных.

– И тем не менее я хотел бы дать совет: держитесь подальше от озера Ильмень. Вы собирались с экспедицией на Тибет? Вот и отправляйтесь туда с друзьями, это гораздо более увлекательное дело, нежели поиск какого-то камня, которого к тому же не существует в природе.

– Все? – осведомился Илья.

– В общих чертах.

– Спасибо за добрые пожелания. – В голосе Ильи прозвучала ирония. – Я не забываю подобных советов.

Он положил трубку и вышел из квартиры, прокручивая в голове подробности разговора. Все сходилось к одному – сон, наваждение с потолком, письмо с угрозой, письмо бабушки Савостиной с рассказом о Боге Мороке, телефонный звонок, – к единственно верному выводу: дыма без огня не бывает! Никто не станет предупреждать взрослого человека, известного путешественника, мастера единоборств, организовывать на него психологическое давление, советовать остерегаться того, чего нет. Пусть байка о Боге не более чем байка, но что-то здесь, во всей этой истории, есть берущее за душу. Во всяком случае, он ничего не потеряет, если возьмется за подготовку экспедиции на озеро Ильмень. Тибет подождет.

Подъезжая к трехэтажному зданию Школы в Тушино, на берегу Сходни, Илья окончательно утвердился в своем решении. События начавшегося понедельника разожгли в нем интерес к проблеме, а когда он загорался – ничто не могло Илью остановить.

Серафим Тымко, друг и соратник, с которым Илья провел бок о бок почти двадцать лет, работавший инструктором по подводному плаванию и рукопашному бою в Школе выживания, уже возился с одной из групп, состоящей из молодых сотрудников муниципальной милиции; приходилось заниматься и с ними, и с ОМОНОм, чтобы иметь «крышу» на случай давления криминальных структур (а такие попытки имели место). Илья познакомился с Тымко лет восемнадцать назад, когда участвовал в чемпионатах Европы и мира по самбо и три года подряд был чемпионом Европы среди средневесов. С тех пор они не разлучались, даже в Афганистан попали в составе одной диверсионной группы, хотя иногда ссорились, отстаивая свои идеалы, и пару раз начинали самостоятельные пути, чтобы потом встретиться где-нибудь в совершенно неожиданном месте и затеять совместную работу.

Серафим Альбертович Тымко закончил Днепропетровский институт физкультуры, работал на Украине, в Белоруссии, России, увлекся туризмом, не забывая о «спецухе» – он занимался вольной борьбой, но потом ушел в армейскую боевую систему и стал мастером «барса». В Школе выживания, созданной Ильей, Тымко устроился инструктором по подводному плаванию, а потом и по рукопашному бою, и глядя на этого могучего телом, бородатого великана, легко можно было поверить в то, что он кулаком мог свалить с ног быка. Илья, сам далеко не слабый с виду человек, не раз боролся с Серафимом и знал, как нелегко его победить. И убедить в чем-либо. Тымко имел нестигаемый характер и не только всегда и по любому поводу имел собственное мнение, но и отстаивал его, даже порой вопреки логике и фактам.

Выслушав историю Ильи с письмами и угрозами, Серафим почесал затылок и изрек одно слово, которым отреагировал на происходящее и сам Илья:

– Бред!

– Но мне действительно звонили!

– И ты поверил? Да от всего этого безобразия за версту пахнет розыгрышем.

– Кому это понадобилось меня разыгрывать? – удивился Илья. – И зачем? До первого апреля еще далеко.

– Не знаю, кому это понадобилось, но ни в каких Мороков я не верю. Вообще отродясь не слыхивал о Богах с такими уродскими именами. Чушь это все, по-моему.

– Про Чернобога я читал.

– Все равно ерунда. Только правителя мертвых на Руси и не хватало, а так все есть, бесы и черти, русалки и водяные, колдуны и колдуньи. – Серафим фыркнул. – Ты как малый ребенок, Илья: поманили игрушкой, ты и загорелся.

– Ладно, иди работай, – сказал Илья, – вечером поговорим.

Пожав могучими покатыми плечами, Тымко вразвалочку удалился, похожий на очеловеченного медведя, настроенный скептически ко всему, что шло вразрез с его мировоззрением. Не сомневался он только в своем праве поступать так, как считал нужным.

День прошел в хлопотах и размышлениях.

Илья посетил Госдуму, где встретился с депутатом Савельевым, курирующим Российскую академию наук, на предмет финансирования новой экспедиции – на озеро Ильмень, но доказать ее необходимость не смог. Денег в казне не было даже на выдачу зарплаты бюджетникам, содержание институтов и научно-исследовательских лабораторий.

– Ищи спонсора, – посоветовал седоватый подтянутый Савельев, изредка посещавший Школу. – Хотя вряд ли кто-нибудь в нынешнее время рискнет дать тебе деньги на поиск неизвестно чего. Разве что какая-нибудь рекламная компания?

– Или криминальная структура, желающая отмыть «честно» заработанные деньги, – проворчал Илья.

– А что? Это мысль. Хочешь, свяжу тебя кое с кем? В Думе имеются представители теневого капитала.

Илья отрицательно покачал головой.

– Рекламная компания – еще куда ни шло, но с бандитами я не работаю.

– Тогда запиши телефон, позвонишь в рекламное агентство «Бествишез», может быть, тебе удастся уговорить его президента.

Илья снова качнул головой. Поиски камня с изображением Лика Морока требовали тишины, незаметности и конспирации, шумиха вокруг этого дела была Илье ни к чему.

Не дал положительного результата и визит Пашина к приятелю, президенту коммерческого банка «Каскадер», бывшего также еще и президентом Российской ассоциации каскадеров Виталию Шакункову. Лично поучаствовать в экспедиции он согласился, однако выделить необходимую для этого сумму отказался.

– Меня убеждать не надо, – сказал он, поправляя платиновый обруч на лбу, которым поддерживал длинные, падающие ниже плеч волосы; даже в свои пятьдесят с хвостиком Шакунков выглядел тридцатилетним атлетом, продолжая заниматься спортом. – Я согласен на все условия, но моих партнеров надо убедить в целесообразности риска, просто так, за красивые глаза, они тебе деньги не дадут. Докажи, что экспедиция будет иметь реальный коммерческий выход – через рекламу, телевидение, кино, тогда и поговорим. Ведь доказательств успеха у тебя нет?

Илья покачал головой. Письма с угрозой и информацией о выходе Бога Морока у него были, и уверенность в реальности происходящего, подкрепленная таинственным поведением потолка спальни и телефонным звонком, тоже, но говорить об этом Виталию не стоило, тот ни в полтергейст, ни в НЛО, ни в прочую мистику не верил.

Вечером Илья и Тымко встретились в зале Школы, около часа поработали в серьезном спарринге – не разрешалось лишь добивание противника и удары по семи «точкам смерти» – и мирно разошлись. Он лишь раз уронил Серафима на татами, применив умение создавать внутри себя «пустоту», и с трудом выскользнул из болевого захвата, богатым арсеналом которых владел бывший борец.

В девять вечера они зашли в кафе «Сокол» на Ленинградском проспекте и просидели два часа, беседуя обо всем, что волновало обоих. Кроме темы Ильмень-озера. Серафим не придавал значения утреннему разговору и совершенно искренне забыл о предложении начальника и друга, а Илья все никак не мог сформулировать идею экспедиции, понимая, что козырей у него на руках нет. Имей он необходимую сумму в своем Фонде, с организацией похода не было бы

проблем. Теперь же в этом было главное препятствие возникшей идее. Хотя в душе Илья уже решил, что если Серафим и Виталий откажутся, он поедет на озеро Ильмень один.

– Ну что, Фима, – сказал он, перебив разговорившегося о женщинах Тымко; Серафим, как и он, был холост, однако за свои тридцать восемь лет успел уже трижды жениться и трижды развестись, – поедem в Новгородскую губернию искать пристанище Бога Морока?

Тымко поперхнулся пивом, изумленно глянул на собеседника.

– Опять за свое, елы-палы?! Ты же собирался на Тибет, кино хотел снимать в Лхасе, с «Мосфильмом» договорился, актеров подобрал...

– Тибет подождет. Мы быстренько смотаемcя на Ильмень, отыщем камень с мордой черта, взорвем его и вернемся.

– А деньги у тебя на это есть?

– Нет, – честно признался Илья. – Машину продам – будут.

– Совсем крыша поехала! – постучал себя по лбу Тымко. – Да что ты так присох к этому озеру? Часом не пообещали чего за работу? Награду какую-нибудь? Если так, другое дело, тогда я согласен. Что пообещали-то?

Илья улыбнулся, вспоминая дивный женский голос и лицо девушки из сна. Она ждала его где-то там, на озере Ильмень, и это была единственная награда, которую он желал бы получить в финале экспедиции, но говорить об этом Серафиму не хотелось.

– Если откажешься, я пойду один.

Серафим округлил рот, собираясь произнести язвительную реплику, посмотрел на спокойное и твердое лицо Ильи с жесткой складкой губ и передумал.

– Ты что же, действительно веришь, что этот чертов камень с Ликом Беса есть свернутый канал возвращения Дьявола на Землю?

– Красиво формулируешь. – Илья засмеялся. – Сразу видно эрудированного человека. Однако именно так я и думаю. Но даже если это всего лишь миф, легенда, будет весьма любопытно раскрыть тайну его происхождения.

– Только не для меня. Я человек сугубо материалистический, тайны возникновения фольклора меня не влекут.

– Значит, я тебя не убедил?

– К сожалению, нет, – покачал кудлатой головой Серафим. – Учить тебя, что делать, я не собираюсь...

– Кого учить? – четвертая судимость, – пошутил Илья, переживая приступ обиды.

– Но посоветовал бы поменьше увлекаться несбыточными проектами и чужими проблемами, – не обратил внимания на реплику Тымко. – Пусть этим дурацким Богом занимаются те, кому положено.

– Это кому же? – поднял бровь Илья.

Серафим стушевался.

– Ну, не знаю... спецслужбы, наверное, которые должны исследовать аномальные явления.

– Может быть, – пробормотал Илья. – Может быть, ты и прав, Брут.

В кафе ввалилась компания юнцов в кожаных безрукавках, с белыми повязками на рукавах, на которых были нарисованы большие буквы «РНБ» и чуть ниже маленький паучок свастики. С шумом компания заняла угол зала, где сидели и Пашин с Тымко. Двое верзил с подбритыми затылками и чубчиками подошли к ним.

– Мужики, пересядьте за другой столик, у нас тут состоится съезд нашей партии.

Илья и Серафим переглянулись.

– Пошли по домам? – предложил Илья.

– Ты спешишь? – поинтересовался Серафим, не обращая внимания на парней. – Я нет. Давай посидим еще полчаса, чайку попьем.

– Эй, вам говорят, – нахмурился юный белобрысый атлет с огромным перстнем-печаткой на указательном пальце. – Причем пока вежливо. Мест много, пересаживайтесь пошустрей.

– Так в чем же дело? – удивился Серафим. – Столиков действительно хватает, садитесь за свободные и проводите свой съезд. А мы уж тут досидим.

– Ты че, горилла, с дуба рухнул? – озадаченно проговорил напарник белобрысого, носивший на шее массивную латунную цепь. – Здоровья много? Вали отсюда быстрее, пока цел.

Тымко прищурился, и по его затуманенному взгляду Илья понял, что тот закипает. Сказал миролюбиво:

– Ребята, мы же вас не трогаем, не трогайте и вы нас. Через полчаса уйдем, тогда и занимайте столик.

В кафе повисла тишина, обусловленная паузой в музыкальном сопровождении и реакцией посетителей кафе, наблюдавших за сценой. Примолкли и остальные мальчики в черном.

– Они не хотят! – с удивлением оглянулся на стаю во главе с вожаком – бритоголовым мускулистым молодым человеком белобрысый парень.

– Ты меня удивляешь, Болт, – сухо обронил вожак.

Заиграла музыка, белобрысый нацист сгреб Тымко за воротник рубашки, пытаясь оторвать его от стула, но лучше бы он этого не делал. Серафим перехватил его руку и одним движением сломал кисть. Парень взвыл, отскакивая. Его напарник замахнулся на Серафима и отлетел к столикам с рассеянными приятелями от незаметного со стороны удара, которым наградил его Илья.

Компания притихла, затем все повскакивали с мест, бросаясь к продолжавшим сидеть за столом друзьям, и в то же мгновение Серафим, проявляя неожиданные для его громоздкого тела ловкость и быстроту, прыгнул к вожаку молодчиков и локтем мгновенно зажал его горло, так что у того едва не выскочили из орбит глаза.

– Прикажи своим нукерам убраться из кафе!

– Хр-хр-р...э-э... р-ре-ббя...х-хр...

Серафим ослабил хватку.

– Р-ребя... ух-ходим... – прохрипел вожак нацистов.

Парни нерешительно начали переглядываться, кое-кто из них успел вытащить кастет или нож, и в действие вмешался Илья. Он изящно отобрал нож у неосторожно повернувшегося к нему спиной узкоплечего «атлета» и приставил к его же горлу.

– Мальчики, по домам. Съезд вашей партии закрывается. Во всяком случае в этом кафе. Я понятно изъясняюсь?

Парни стали отступать, потянулись к выходу с понурым видом, хотя кое-кто сверкал глазами и бубнил под нос проклятия. Отступать они явно не привыкли. Последним ретировался вожак стаи, потирая горло. На пороге зала задержался.

– Мы вас подождем, мужики.

Илья метнул нож, который с треском вонзился в дверь, едва не пригвоздив к ней ухо парня, и тот исчез.

– Вызвать милицию? – подскочил к столу обрадованный метрдотель.

– Не надо, – буркнул Тымко. – Принесите чаю.

– Зря ты все это затеял, – хладнокровно сказал Илья. – Ушли бы себе спокойно, без эксцессов. Подраться захотелось?

– У меня к чернорубашечникам свои счеты. Одно дело, если они просто играют в свои игры где-то в уединенных местах, другое – когда превращаются в бандитов. Одна такая шобла избила до полусмерти мою сестру с мужем. Ребенок у нее потом так и не родился.

Илья помолчал, прихлебывая горячий, но невкусный чай, поднялся, спиной чувствуя заинтересованные взгляды посетителей кафе.

– Поехали, пора на покой. Завтра я отбываю в Новгород.

– Ну и дурак, – буркнул Серафим, настроение которого отнюдь не улучшилось после стычки. – Делать тебе нечего.

Они вышли из кафе, готовясь к встрече с молодчиками из организации так называемого Русского национального батальона, однако вопреки обещаниям те их не ждали. Стоянка машин напротив здания кафе была пуста.

– Жаль, – сказал Тымко, расслабляясь. – Я хотел немного размяться. Так ты все-таки решил рискнуть?

– Съезжу, проведу рекогносцировку местности, поговорю с местными жителями, благо ехать недалеко, и через пару дней вернусь.

– Что говорить, если тебя будут спрашивать?

– Что я взял небольшой отпуск и поехал на родину, отдыхать.

– Тогда ни пуха тебе!

– К черту!

Они пожали друг другу руки и разошлись по машинам. Крупногабаритный Тымко ездил на джипе «Шевроле», напоминающем танк, Илья же предпочитал оригинальные формы и год назад купил себе новенькую «Альфа-Ромео» серии «Нувола». Он уже включил мотор, когда к машине подошел Серафим.

– Забыл тебе сказать: Антон освободился.

– Когда? – обрадовался Илья.

– Пару дней назад. Звонил мне вчера вечером, хочет приехать в Москву, поискать работу.

– Это славно. Что ты ему сказал?

– Что я скажу? – отвернулся Серафим. – Кто сейчас возьмет на работу бывшего зека? Даже если он профи боя...

– Ты так и сказал?

– Не так, но примерно...

Илья выжал сцепление и выехал со стоянки, оставив Тымко размышлять над своими словами.

Через полчаса он был дома, не заметив, что за ним следует в отдалении черный «Форд-Саетта» с погашенными фарами.

ИЛЬМЕНЬ-ОЗЕРО

В Парфино Илья приехал еще засветло, преодолев четыреста с лишним километров от Москвы за семь часов. В принципе он мог бы добраться и раньше, но не спешил, любуясь пейзажами и архитектурой попадавшихся на пути древних русских городов и городочков: Клина, Твери, Торжка, Вышневолочка, Валдая.

Чтобы не делать изрядный крюк через Новгород, Илья от Валдая поехал через Демянск и не пожалел об этом, хотя дороги здешние были старыми, разбитыми, узкими и пролегали в основном по болотистой местности. Зато несколько раз попадались удивительной красоты церквушки и колоколенки, а за поворотом на Залучье недалеко от дороги стояла старинная крепостца с уцелевшими зубцами и маковкой центральной колокольни. Илья полчаса бродил вокруг этих древних развалин, сожалея, что нет времени на исследование постройки предположительно семнадцатого или восемнадцатого веков, и решил при случае вернуться сюда с отрядом и аппаратурой, побродить по окрестным деревням и послушать местные легенды.

Парфино-город располагался на правом берегу Ловати, дом же родственника Ильи по маминой линии Федора Ломова стоял на левом, в деревне Парфино, и Илье пришлось пересекать реку по старому автодорожному мосту, на котором велись ремонтные работы. Поплывав по улицам деревни, Илья наконец отыскал дом Ломовых и вылез из машины, с интересом оглядывая соседние избы, утопающие в зелени садов, улицу, поросшую травой, играющих в траве ребятишек. Дом Ломова отличался от остальных. По сути, это был двухэтажный деревянный особняк с четырьмя спальнями, каминным залом, столовой, холлом и гаражом. Кроме того, на территории хозяйства стояла баня, за ней располагалась теплица, а за теплицей огород в восемнадцать соток и скотный двор, где обитали гуси, куры, лошадь и корова Красуля, дающая до тридцати литров молока в день.

До тысяча девятьсот девяносто второго года Федор Ломов был простым работягой на местном рыбзаводе. Потом страну, накренив, повели к капитализму, государственные предприятия Парфино, в том числе и рыбзавод, прекратили существование, и Ломову пришлось переквалифицироваться: он стал торговым человеком.

Сначала поставлял валдайскую клюкву и бруснику в новгородские и московские рестораны, возил одежду из Польши, перегонял и продавал иномарки, пока правительство не задрало таможенные пошлины до уровня удавки на шее, так что честный автобизнес стал невыгоден, и наконец занялся подсобным хозяйством, на заработанные деньги построив дом и купив машину – новую «Волгу» одиннадцатой модели.

Жена Федора Елена Кондратьевна работала в школе, учительствовала в начальных классах, а детей у них было трое: двое парней и девочка. Старший сын, двадцатилетний Никита – учился в Новгороде в военном училище и жил там же, в общежитии, изредка навещая родителей. Шестнадцатилетняя Леночка мечтала поступить в Московский университет на исторический факультет, а двенадцатилетний Данила, серьезный молодой человек, занимался рисованием и учился восточным единоборствам под руководством школьного учителя физкультуры.

Все это Илья узнал, сидя за столом на веранде дома, где его потчевали ужином. Дядька Федор был на целых десять лет старше Ильи, но выглядел гораздо моложе: могучий, широкоплечий, с руками-лопатами, бородатый и усатый, с густой шевелюрой без единого седого волоска. Под стать ему выглядела и жена – крупнотелая, но не толстая, с тонкой талией, большой грудью и полными бедрами. У нее были роскошные льняные волосы, которые она заплетала в косу и укладывала короной на голове, и очень милое спокойное красивое лицо, с бровями вразлет и полными губами, в котором сказывалась исконно русская порода. Она была на два года моложе мужа, однако, как и он, выглядела тридцатилетней. Глядя, как они перегля-

дываются, понимая друг друга с полуслова, Илья невольно позавидовал дядьке и впервые в жизни с грустью подумал, что жизнь проходит, а он до сих пор не женат.

– Сам-то я спортом никогда не занимался, – гудел в бороду хозяин, любовно погладив соломенную голову Данилы, – а он вот решил стать мастером воинских искусств. Я знаю, ты там в столице бойцовскую школу открыл, тоже занимаешься какой-то борьбой, не возьмешь мальчика, когда подрастет?

– Отчего же не взять? – улыбнулся Илья. – Закончит среднюю школу и пусть приезжает. Хотя учиться надо не только воинским искусствам, но и искусству жить в современном мире, и другим практическим вещам. Ты уже наметил, чем будешь заниматься в жизни?

– В художественное училище пойду, – сказал Данила солидно, допивая брусничный компот. – Художником буду. Я побегу, пап? Ребята ждут.

– Стемнеет – сразу домой.

– Хорошо. – Данила убежал.

– Я тоже пойду, – поднялась Елена Кондратьевна, – хозяйство большое, хлопот требует. А вы посидите, мужчины, когда еще минутка спокойная выдастся.

Мужчины посмотрели ей вслед, переглянулись. Федор поднял рюмку, до краев наполненную водкой; пил он много, но никогда не пьянел. Илья же поднимал рюмку только за компанию, но вообще не пил, только пригубливал, помня поговорку отца:

– Чай пиём – орёл летает, водка пиём – дрова лежат.

– Чтоб мы жили-поживали, да добра наживали, – произнес тост Федор, опрокидывая рюмку в рот.

Закусили грибочками и огурчиком.

– Пасеку хочу купить, – сказал Ломов, вытирая усы. – Со следующего лета займусь продажей меда. Если, конечно, к тому времени нас не раскулачат. Каждый год родное государство придумывает что-нибудь новенькое, чтобы жизнь медом не казалась. То новые налоги – скоро за воздух и воду будет брать, то новые комиссии по учету и контролю.

– Бог даст, не раскулачат, – успокоил Федора Илья, хотя сам далеко не был уверен в прогнозе. – А соседи как относятся к твоим успехам? Не завидуют?

– Соседи у меня хорошие, с пониманием. Справа живет Шурик Теркин, участок у него побольше моего в полтора раза, а слева дед Евстигней. Очень любопытный дедок, скажу я тебе. Люди его волхвом кличут за целительство, тыщи больных от хвори избавил. Лет ему уже за сто будет, а с виду – ну, может, шесть десятков и дашь. У него не глаза, а рентген, право слово! Мой шурин Васька попал к нему два года назад – ни руки, ни ноги не двигались, в больницах врачи не знали, что с ним делать, какой диагноз ставить. А Евстигней посмотрел своим «рентгеном», прописал снадобье из только ему известных трав, поделал массаж с неделю, и теперь Васька не просто ходит – летает, можно сказать, на работу устроился. Что смотришь вприщур? Аль не веришь?

– Почему не верю? Верю, – кивнул Илья, вспоминая письмо бабушки Савостиной, в котором она упоминала деда Евстигнея. – Действительно интересный у тебя сосед. Познакомишь?

– О чем разговор? Прямо сейчас и пойдем, дед рано спать не ложится.

– Нет, не сегодня, – вздохнул Илья, – устал я маленько, не хочу выглядеть перед твоим целителем сонной тетерей.

– Хорошо, завтра к нему пойдем, – легко согласился Федор. – Сам увидишь, что это за человек. Знаешь, сколько он поднял на ноги, можно сказать, собрал по косточкам безнадежно покалеченных спортсменов, парашютистов, жертв автокатастроф? Человек двести на моей памяти! Любого с недугами насквозь видит. И вообще много чего знает, с духами общается, много историй помнит, тебе с ним будет о чем поговорить.

– Ну, а с другими сельчанами ты как живешь? – прервал Илья хвалебную оду деду Евстигнею.

– Да никак, – потускнел Федор. – Кругом одни пролетарии да люмпены. Многие из них остались не у дел и жутко бедствуют, а искать работу не хотят, да и не найдешь ее такую, чтобы платили копейку вовремя. Вот они и озлобились на весь мир. Еще немного, глядишь, и пойдут жечь, грабить, крушить и громить. Причем, заметь, не господина Березовского или всяких там господ Потаниных, Гусинских, Лисовских пойдут громить, а меня и таких, как я, потому что мы ближе и бежать нам некуда.

Илья с любопытством взгляделся в глаза Ломова, но злости или раздражения в них не увидел, только легкое огорчение и грусть. С ненавистью к богатым Федор в своем пролетарском районе Парфино сталкивался едва ли не каждый день, однако не озлобился в ответ и не закрыл наглухо окна и двери, не отгородился от остальных высоким забором.

– Давеча иду по улице, – продолжал рассказывать он с усмешкой, – а женщина у водоразборной колонки, приезжая, у Кольки Буденного живет, вдруг ни с того ни с сего мне в спину: «У-у, миллионер гребаный, буржуй недорезанный, придет время, всех постреляем!» Или вот плотник у меня работал, нормальный мужик вроде, заплатил я ему, как положено, обедом накормил, а он так спокойненько заявляет: «Наша власть придет, мы в твоём доме детсад устроим, у тебя места много...» Ну, как после этого с людьми разговаривать? Нешто я украл у кого, с бандитами связался, клад нашёл? Своим горбом все заработал и построил! Поработай, как я, и у тебя все будет. Так нет, принцип один – отнять и разделить!

– Что ж ты будешь делать, если снова революция грянет?

– А уеду куда-нибудь, к чертовой матери, – махнул рукой Федор. – Земли в России много, найду себе местечко, а огород при любом режиме прокормит, не ленись только. Руки-ноги целы, здоровье есть, не пропадем.

– И что, даже не попытаешься дом свой защитить?

– Бессмысленное это занятие, – отмахнулся Федор. – В семнадцатом году никому не помогла защита, кто пытался отстоять свою свободу и достоинство. Сейчас ситуация не лучше, не поймешь, чего ждать от родного государства. Телевизор смотришь? Помнишь, как Кириенко три года назад объявил НЭП? Новую экономическую политику, значит? Потом Черномырдин еще более новую, теперь вот еще один вундеркинд объявился. А что изменилось? Богатые как жирели, так и жиреют, бедные же и вовсе обнищали. Может, и взаправду революция поможет тем, кто хочет работать честно, установит справедливые законы? Ты вот в столице обретаешься, поближе к власти, что там слышно про нынешний конфликт Думы и правительства?

Илья улыбнулся.

– Не занимаюсь я политикой, дядь Федь, но знаю, что ситуация далека от совершенства. Ты прав, богатые продолжают богатеть, делить Россию на кусочки, а бедные срывают злость друг на друга. Выхода же пока не видно.

– Да-а, дела-а... – Федор помолчал, шибко почесал затылок, махнул рукой. – Ладно, давай о другом, что это мы в самом деле, нешто других тем нету. Рассказал бы, как сам живешь, чем занимаешься, женат ли. Надолго к нам приехал?

– Дня на три-четыре. Отыскать мне кое-что надо на Ильмень-озере. Поможешь, Федор Петрович?

– Что ты меня по имени-отчеству величаешь? Федькой зови, по-простому, чай не намного меня моложе. Что именно ты хочешь отыскать?

– Слышал что-нибудь о Боге Мороке? Говорят, существует легенда о нем, давно сложена, тысячи лет назад. Кстати, может, твой дед Евстигней ее знает?

– Дед, возможно, и знает, я не слышал. Что за легенда?

– Потом расскажу, в другой раз, история долгая. А отыскать мне надо один необычный камень с изображением бесова лица, который по легенде лежит где-то на дне озера Ильмень, неподалеку от мыса Стрекавин Нос. Не бывал в тех местах?

– Нет. Спроси у Васьки, он рыбак заядлый, может, и заплывал к Носу. Так что за камень, говоришь?

– Он так и называется – Лик Беса. Его надо найти и уничтожить.

– Лик Беса? – Федор хмыкнул, запуская пятерню в густую шевелюру. – Странное название. Никогда ни от кого не слыхивал, хотя живу здесь уже шестой десяток лет. Впрочем, легендами и сказками я никогда особо и не интересовался, баловством считал. Дед Евстигней же в этом деле, пожалуй, специалист – что твой академик. Поговори с ним, он должен был слышать легенду и о твоём боге Морочнике.

– Мороке. Другое имя – Чернобог.

– Хрен редьки не слаще. А с камнем помогу, ежели, конечно, ты этим всерьез собираешься заняться. Только вот завтра-послезавтра мне недосуг, уговорились с шурином в Новгород поехать по делам. Подождешь?

Илья подумал.

– А лодка у тебя есть?

– У меня только карбас старый, четырехвесельный, а у Васьки моторка, думаю, не откажет одолжить.

– Тогда я один пока смотаюсь к этому самому Стрекавину Носу, разведая, посмотрю, что за местность. Потом уже вместе пойдем, когда вернешься.

– Договорились. – Федор встал из-за стола. – Пойдем, покажу спальню. Совсем ты ословел, гляжу. Хочешь посмотреть, что Данила малюет?

Илья подавил зевок и кивнул.

Они поднялись на второй этаж, где располагались все четыре спальни дома, и вошли в комнату Данилы, превращенную им в художественную галерею. Рисунки, выполненные карандашом, гуашью, акварелью, висели на стенах, стояли на подоконнике в рамках и лежали на столе, и первый же из них – портрет отца – заставил Илью забыть о том, что это всего-навсего рисунок двенадцатилетнего мальчишки.

Федор был изображен, как живой, с косой в руке на фоне луга, и готов был сойти с картины прямо в комнату.

Хороши были и пейзажи, выполненные в стиле Константина Васильева: каждый из них был наполнен неким мистическим светом, прозрачной таинственной силой, заставляющей вновь и вновь всматриваться в пейзаж в поисках его загадочной притягательности.

– Ну, как? – поинтересовался Федор, улыбнувшись в бороду. Илья был не первый, кто реагировал на рисунки сына подобным образом.

– Фантастика! – очнулся замороженный Илья. – Твой парень настоящий художник! Ему действительно надо поступать в художественную школу. Если не возражаешь, я возьму с собой несколько рисунков, покажу кое-кому в Москве.

– Буду только признателен.

Федор проводил гостя в его спальню, показал туалет, душевую, остановился на пороге.

– Завтра баня будет, с утра топить начну. Может, еще что надо?

– Спасибо, – покачал головой Илья, чувствуя непреодолимое желание спать. – Я человек неизбалованный, а у тебя как на курорте. – Илья снова вспомнил письмо-просьбу Савостиной. – Федя, ты случайно не знаешь бабушку Савостину Марию Емельяновну? В Парфино где-то живет.

– Лично знаком не был, но знал, где живет, – пожал плечами Федор. – Умерла она, два дня назад похоронили.

– Что?! – Сон слетел с Ильи, как от порыва ветра. – Умерла?! Почему, как?

– Должно быть, от старости. А может, болела, годков-то ей много было. Евстигней должен точно знать, он все тут знает, у него спросишь. Да что это ты так близко к сердцу принимаешь? Али она сродственница тебе, знакомая?

– Не родственница... – Илья не сразу пришел в себя, заставил себя успокоиться. – Письмо от нее мне пришло, потом расскажу.

– А-а... ну, ладно, располагайся, пойду Данилу звать домой да жене пособию по хозяйству. Захочешь есть или пить – смело иди на кухню и бери, чего хочешь.

– Я спать буду, – пробормотал Илья.

Федор ушел, пожелав ему спокойной ночи, однако вопреки своему заявлению уснул Илья не скоро, так и эдак поворачивая факт смерти бабушки Савостиной, сопоставляя его с тем, что было известно о деятельности жрецов храма Морока. Было вполне вероятно, что Марию Емельяновну убили, чтобы не допустить новой утечки информации. Но письмо послать она все же успела...

Уснул он только в два часа ночи, измяв подушку, и проспал без сновидений до самого утра. Лишь перед пробуждением ему приснился странный сон: поляна в лесу с высокой травой, над которой стлался слоистый туман, и череда темных фигур, проходящих через поляну по пояс в траве, с лицами зыбкими, смазанными, человеческими и звериными одновременно. Лицо предпоследней фигуры и вовсе напоминало волчью морду с горящими желтыми умными глазами, а последним в странной череде фигур шагал скелет в плаще с улыбающимся черепом и провалами глазниц, в глубине которых угольками тлели злобные огоньки...

Наутро он встал в начале десятого, поразившись тому, как организм, натренированный вставать рано, спокойно дал себе волю выспаться и даже понежиться в широкой, благоухающей чистым бельем постели. С другой стороны, это была реакция на естественную деревенскую тишину – с доносившимися издали криками петухов, квохтаньем кур и мычанием коров, и Илья с каким-то детским восторгом и абсолютно не детским сожалением подумал, что никакие удобства города не заменят этой тишины, чистого воздуха и доброго молчания природы – лесов, полей и рек, пронизывающего деревенское пространство и дающее людям, живущим на этой земле, силу и радость бытия.

Хозяева, естественно, давно встали, занимаясь каждодневными хлопотами по хозяйству. Поднялись и дети: Лена помогала матери убирать скотный двор, кормить скотину, а Данила убежал на реку с приятелями. Илья таким образом оказался предоставленным самому себе. Делать ничего не хотелось, но он заставил себя позаниматься медитацией и упражнениями, поднимающими тонус, умылся и сел на веранде завтракать, где ему уже был накрыт стол. И в это время на веранде появился гость – седой крепкий старик с пронизывающим взглядом прозрачно-серых глаз. «Рентген», вспомнил Илья слова Федора, понимая, что это и есть таинственный сосед Ломовых, дед Евстигней.

– Здрав будь, молодец, – басом проговорил гость, оглядывая замершего Илью. – Узнал, что к Федьке родственник приехал, вот и решил заглянуть. Вы уж не обижайтесь на старика за любопытство.

– Какие могут быть обиды? – развел руками Илья, кивнул на стулья. – Присаживайтесь, позавтракаем вместе.

– Спасибо, мил человек, только я уже давно позавтракал, так посижу, да, может, за компанию чайку с медом похлебаю.

Дед присел напротив, все еще разглядывая Илью, и тому на мгновение стало неприятно: впечатление было такое, будто его разобрали по винтикам и вновь собрали, прощупав каждую косточку, каждую клеточку, прочитали мысли и определили, кто он есть и что может. Словно почувствовав перемену в настроении Пашина, дед отвел взгляд.

– Впервые в наших краях?

– Первый раз, – кивнул Илья. – Все никак не мог вырваться, хотя и живу, можно сказать, рядом.

– Надолго к нам?

– Поживу дня три, на озеро схожу, в Новгороде побываю. Город древний, красивый, а я, к стыду своему, в нем еще не бывал, хотя всю Россию-матушку исколесил.

– Да, Новгород город древний, – согласился дед Евстигней. – Еще за две с половиной тысячи лет до рождения Христова поставлен великим князем Словеном⁶. Тогда о Москве слыхом не слыхивали, хотя поселения в том месте уже были. А ты к нам по делу или отдохнуть прибыл, Илья Константинович?

Илья перехватил острый, с проблеском иронии, взгляд деда и понял, что тот *знает* не только его имя и отчество, но и то, зачем он появился в Парфино.

– Извините, не ведаю, как вас по батюшке величают...

– Евстигней Поликарпович. Да ты зови меня просто дедушкой, меня так все кличут.

– Дедушка, вы случайно не знаете... не знали Марию Емельяновну Савостину?

– Знал, – нахмурил седые брови старик. – Царствие ей небесное, мученице. Не смог я ей помочь.

– Чем?

– Дела давно минувших дней. А ты откуда ее знаешь, мил человек?

Взгляд старого волхва действительно напоминал рентген, так что Илья с трудом удержал себя от признания. Ответил уклончиво:

– Да так, слышал кое-что. Говорят, она много лет провела в скиту на берегу озера Ильмень.

Старик пожевал губами, не сводя глаз с лица Ильи, нагнулся над столом.

– Много чего говорили о бабе Марье... а ты часом не получал от нее весточки?

Илья едва не поперхнулся чаем, медленно вытер лицо полотенцем, раздумывая, что сказать в ответ, и услышал виноватое:

– Это я надоумил старую написать тебе письмо, Илья Константинович. За то и пострадала. И ты можешь пострадать, если возьмешься сделать то, что она просила. Так что подумай, прежде чем увязнешь по уши.

– Вы хотите, чтобы я отказался?

– Я не хочу, чтобы пострадал невинный человек.

Не вижу логики, хотел сказать Илья, зачем же тогда надо было писать письмо, вызывать сюда этого самого «невинного» человека? Но вслух ничего не сказал, задумался, разглядывая перед собой на деревянной столешнице сучок в форме солнышка с лучами трещин, чувствуя на себе изучающий взгляд старика. Наконец поднял голову.

– Думаю, что справлюсь с любой напастью. Хотя с чертовщиной еще не связывался. А Марию Емельяновну жрецы убили?

Дед Евстигней усмехнулся, откинулся на спинку стула, прикрыл глаза веками, прислушиваясь к чему-то, снова посмотрел на гостя Федора Ломова.

– Рассказывай, сынок.

– Что рассказывать? – слегка растерялся Илья. – Это вы должны мне все рассказать, что тут у вас творится. А я что... ну, получил письмо... прочитал о странном Боге по имени Морок...

– Морок не Бог – демон. Многое им сделано и успешно делается для того, чтобы забыли мы свои прежние Знания окончательно, чтобы не помнили ничего о Духовном Мире. Много на Земле религий, но нет главного – веры! А когда нет веры, приходит он – дьявол! Ты-то сам веруешь в Бога?

– Верую, – глухо ответил Илья, невольно ощупывая на груди крестик.

Дед Евстигней прищурился, загоняя в глубину глаз огонек иронического сочувствия, кивнул.

⁶ Лета 3113 года (2578 г. до н. э.). Новгород назывался тогда Словенском.

– Это хорошо. Марья не зря тебе поверила. Да и я вижу, что могу доверить тебе *тропу Силы*, недоступную темной мощи Морока. Но тебе придется долго идти одному и добиваться посвящения в Витязи. Только тогда ты сможешь на равных тягаться с воинством Чернобога. Предупреждаю, придется воевать, хотя и не всегда с оружием в руках, возможны всяческие испытания, муки, боль и кровь, беды и поражения. Выдержишь – дойдешь до Врат, не выдержишь...

Илья проглотил ком в горле, не зная, как отнестись к речи деда. Тот усмехнулся в усы, огладил бороду рукой.

– Впрочем, я начал этот разговор слишком рано, ты не готов к нему. Я знаю, что ты собрался искать Лик Беса на озере Ильмень, так вот, прими совет: берегись лесных и болотных духов Ильмень-озера, почти все они на службе у жрецов. Не верь никому, верь только сердцу, тогда пройдешь и вернешься, хотя одному это сделать очень трудно, почти невозможно. Отговорить ведь не идти на Стрекавин Нос мне тебя не удастся?

Илья молча покачал головой.

– Я так и думал. Что ж, удачи тебе, сынок. У нас еще будет время поговорить обо всем. А это вот тебе оберег на всякий случай. – Старик протянул Илье круглый и плоский камешек с дыркой посередине и буквально растаял в воздухе.

Илья зажмурился, надавил пальцами на глазные яблоки, снова открыл глаза, однако деда Евстигнея не увидел. Тот действительно исчез, словно привидение.

«Кажется, у меня что-то с головой, – подумал Илья, будучи уверенным в обратном. – А был ли мальчик, как говорится? То бишь старик волхв?..»

Тяжесть камня в руке вернула Илью на землю. Он поднес его к глазам. Камень был матово-белым, с вкраплениями прозрачных зерен, дырка в нем величиной с копейку была явно естественного происхождения, такие камни издавна на Руси называли «куриным богом» и почитали, как чудодейственные амулеты. Дед Евстигней знал, что подарить племяннику Федора Ломова, чтобы тот почувствовал заботу и защиту. А исчезновение старца говорило о его магических возможностях, что также должно было вселять уверенность в его посланца. Интересно, что это за «тропа силы», о которой упоминал старик? Где она начинается и как ею воспользоваться? Или знаменитому путешественнику Пашину в самом деле рано говорить и мечтать о таких вещах?..

Размышляя над словами деда, Илья собрал со стола посуду, отнес на кухню, но тут появился Федор с женой, начались обычные утренние расспросы о том, как спалось, что снилось, как здоровье, и гостя оттеснили от мойки на кухне и увели в сад.

– Я договорился с Васькой, даст он тебе лодку, – сказал Федор. – Мы после обеда уедем, а ты бери моторку в любое время, Данила покажет, где она стоит.

– А вы берите мою машину, – великодушно предложил Илья. – Мне-то она пока не нужна. Я вам доверенность на право вождения напишу.

– Нет уж, спасибо, – засмеялся Федор, раздетый по пояс; мышцы так и играли на его мощной груди от каждого движения. – Больно красивая у тебя тачка-то, иностранная, не для наших дорог. Мы лучше на моей «Волге» отправимся. Ну, что, пойдем к деду Евстигнею? Познакомлю.

– Он только что тут был.

– Да? – Федор поднял удивленный взгляд, повел носом. – То-то я чую знакомые запахи. Силен старик, сам, значит, решил познакомиться, присмотреться к моему гостю. А он, между прочим, зря ничего не делает, видать, интересен ты ему. С ним недавно история приключилась. – Федор хохотнул. – Пошел он в магазин, а там мужик чуть ли не с кулаками на него: мол, что наделал, пень старый?! Оказывается, приезжал он к Евстигнею с женой, жаловался, что долго живут вместе, а ребеночка все нет и нет. Ну, дед дал им травяной настой, посмотрел бабу, пошептал что-то, а там вскорости баба и забеременела. Да не просто, а двойней! А

потом еще раз через год, и снова двойней. Ну, мужик ейный и офигел: «Ты виноват! Чем детей кормить буду?»

Илья улыбнулся.

– Да, печальная история. Действительно, дед твой колдун. Дал вот оберег от всяких лесных духов. – Он протянул Федору камень с дыркой.

Ломов камень в руки брать не стал, посмотрел на него как-то странно, покачал головой, становясь задумчивым.

– Что-то чувствует старый... не ехал бы ты, Илюха, один на Стрекавин Нос. Дождался бы меня.

– Да что вы все проблему из этого делаете? – удивился Илья. – Я просто хочу прогуляться по берегу озера, посмотреть на пейзажи. В чем тут криминал?

– Ну, может, ты и прав, – проворчал Федор, отворачиваясь. – Только на твоём месте я все равно не ходил бы туда один. Понимаю, ты человек опытный, знаменитый, много чего повидал, однако места у нас здесь гиблые, болотистые, буреломные, не ровен час в трясину влезешь... не дай Бог, конечно! Да и ведьмины поляны встречаются, сам попадал.

Илья хотел обидеться, но понял, что за словами дядьки стоит лишь забота о нем, и успокоился. Сказал примирительно:

– Я одним глазком посмотрю на то место и сразу назад. Если найду что интересное, в следующий раз вместе сходим. А что это за ведьмины поляны, о которых ты вспомнил?

– Есть в здешних краях дьявольские места... – нехотя проговорил Федор. – В прошлом году мы с Васькой сено косили в Заклинских лугах. Нашли поляночку под Пустобородовом, меж двумя болотцами, скосили траву – сочная такая травушка, высокая, прямо загляденье, самому пожевать хочется. А на следующий день не можем на эту поляну выйти, да и все тут. Хоть плачь! Кажется – вот она впереди за березками виднеется, минуты две всего ходу до края, но сколько ни идешь, впереди встают все новые и новые деревья. Так мы полдня и прошастали вокруг да около, а на поляну ту не попали. Ведьминой оказалась...

Илья покрутил головой, но шутить не стал. Не то, чтобы он не верил в лесных духов и чертовщину, однако не имел с ними встреч и доверять чужой информации не спешил. Ему тоже доводилось слышать легенды о колдовских полянах и глухих лесных уголках, где якобы еще ютилась древняя *нежить* в виде лесовиков, болотниц, шишиг и бабаев, однако он был склонен считать подобные случаи шутками природы и называл их аномальными окнами земной реальности.

– В общем, не броди по лесам долго, – закончил Федор. – Хочешь, я тебе свое ружье дам?

– Не надо, – отказался Илья. – Медведей я вряд ли встречу, а с остальными зверями и без оружия как-нибудь договорюсь.

– Как знаешь. Кроме зверей, можно еще на лихих людей нарваться, а они похуже зверя-то будут. Однако смотри, твое дело.

Федор ушел мыться и вскоре уехал с шурином Васькой, лысоватым мужичком неприметной наружности с хитрыми карими глазками, погрузив в машину сумки и ящики с овощами и яблоками, собранными на собственном участке. В Новгороде у него жил свекор, который реализовывал продукцию через магазины и базы города, не связываясь с рынками.

Собрался и Илья, прикинув, что вполне успеет дойти до Стрекавина Носа и вернуться обратно к ночи. От Парфино до озерного островка Войцы, частью которого и был Стрекавин Нос, насчитывалось не больше сорока километров, на моторке до него можно было добраться часа за три, а оставаться на мысу Илья не рассчитывал, хотел только осмотреться да найти место на озере, где, по рассказу бабушки Савостиной, лежал на дне камень с изображением беса.

Моторка шурина Васьки, стоявшая у пристани недалеко от дома Ломовых, оказалась быстроходным катером типа «Дельфин» с мощным стосильным мотором, способным разогнаться до скорости в двадцать пять километров в час (Илья проверил это, выйдя из устья

Ловати на водный простор озера). Причина такой роскоши – катер стоил немалых денег – стала понятна после пояснения Данилы, указавшего место стоянки: шурин Федора Василий Семенович Антипов работал инспектором в рыбнадзоре и катер был его «рабочим инструментом».

Оделся Илья просто: джинсы, штормовка, зеленое кепи с надписью «Адидас», резиновые сапоги. Ружье Федора он все-таки взял с собой, хотя и решил не вынимать из чехла, положив гладкоствольный «Демас» двадцатого калибра с вертикальным расположением стволов под сиденье. Через полтора часа он был уже на озере, напугав своим появлением на Ловати многих рыбаков: катер Васьки знали и звук его мотора ничего хорошего браконьерам не сулил.

Озеро Ильмень имеет в поперечнике около пятидесяти километров, так что противоположный его берег был не виден. Казалось, Илья выплыл в море без конца и края, удивительно тихое и мирное. День выдался жарким, и только ветер от движения катера помогал справляться с жарой, хотя так и подмывало снять с себя одежду и позагорать. А через несколько минут Илья вдруг понял, что чайки над озером расположились уж каким-то и вовсе необычным образом: часть их вытянулась в цепочку от катера до удалявшегося берега в устье Ловати, а часть образовала над катером этажерку, перемещаясь вместе с ним. Одновременно у Ильи родилось ощущение, что за ним наблюдают внимательные глаза.

Это мог быть и эффект сопровождения птичьей стаи – чайки наверняка следили за лодкой, но могли наблюдать и люди с берега, что сразу вызывало в памяти предупреждение деда Евстигнея. Илья сбросил сонливость, привел организм в боевое состояние и проверил по карте направление движения. До Стрекавина Носа выходило не так уж и много, километров десять по прямой, но сначала надо было найти ориентир – скалу под названием Синий Камень, от которой до острова Войцы было всего ничего – с версту вдоль правого берега Ильмень-озера. Однако сколько Илья ни вглядывался в берег и водную гладь, скалы не видел. Остановил катер, начиная ощущать раздражение. Еще раз внимательно прошелся окулярами бинокля по недалекому берегу, поросшему кустарником и кое-где смешанным лесом, ничего особенного не заметил и решил идти вдоль берега до тех пор, пока не появится протока, отделяющая основной материковый берег озера от острова Войцы, южный мыс которого называли когда-то в незапамятные времена Стрекавиным Носом. То ли у первооткрывателя острова действительно был выдающийся нос, то ли название мысу дали в насмешку над кем-то из первых жителей близлежащих деревень. Илья этого не знал, но в данный момент его это не интересовало. У него постепенно складывалось впечатление, что его намеренно *уводят* от мыса, не дают к нему приблизиться и что за ним в самом деле следят чьи-то недобрые глаза.

Чайки над головой стали пикировать на катер, крича почти по-человечески, в какой-то момент Илья отвлекся, отбиваясь от них – птицы норовили клюнуть его в лицо, и с удивлением обнаружил, что берег располагается *слева* от катера. Вместо того чтобы плыть на север, катер двигался назад!

Хмыкнув, Илья развернулся и снова двинулся вперед, на север, прикрывая голову рукой, пока не обозлился на чашек окончательно и не вытащил ружье. Как по команде чайки взлетели вверх, устраивая хоровод на большой высоте, а Илья снова обнаружил, что плывет назад, на юг!

– Елки-палки! – вслух произнес он, разворачивая катер. – Никак и на воде существуют «ведьмины поляны»!

Словно услышав его слова, чайки внезапно перестали кружить над головой и стайей помчались к берегу. Лишь один огромный белоснежный альбатрос продолжал кружение над озером, изредка пошевеливая крыльями, зорко всматриваясь в воду. Глядя на него, Илья почему-то подумал, что альбатрос принадлежит другому лагерю, дружественному, и окончательно успокоился. Дед Евстигней со своей стороны не мог не приложить усилий, чтобы его посланец добрался до места, и альбатрос, наверное, служил ему наблюдателем.

Скала Синий Камень показалась слева внезапно и совсем рядом, словно выпрыгнула из-под воды. Формой она напоминала оплавленную свечу, а синей казалась только издали, вблизи

же стало видно, что цвет ее дымчато-серый, с зеленым и черным налетом. Илья проводил ее взглядом: показалось, что скала *смотрит* на него внимательно и строго, – и едва не прозевал протоку, отделявшую часть берега справа от мыса Стрекавин Нос. Сбросил скорость, выглядывая, где можно пристать к острову, не увидел в плавнях ни одного прохода и повел катер напрямик через тростник и камыш.

Через минуту катер уткнулся носом в огромное полузатопленное бревно. Дальше ходу не было. Илья дал задний ход, попробовал пройти в другом месте, в третьем, но безуспешно. Тогда он остановил катер перед тростниковой крепью и, вспомнив совет деда Евстигнея «верить сердцу», прислушался к тишине природы, стал медитировать, растворяться в этой тишине, пока не услышал знакомый, дивной красоты девичий голос. Где-то недалеко на берегу, за зеленой стеной кустарника, среди ив и берез пела девушка. Ее голос невозможно было спутать ни с чьим, именно этот удивительный, звучный и печальный голос и слышал Илья во сне перед получением письма от Марии Емельяновны Савостиной.

Влекомый какой-то странной сладостной силой, Илья вставил в уключины катера легкие алюминиевые весла и повел его к берегу сквозь тростник, наугад, почти не осознавая, что делает и куда плывет. И уже не удивился, когда заросли тростника расступились и впереди показался высокий зеленый берег, заросший ивой и ольхой.

Голос все еще звучал внутри Ильи эхом тайны, и, повинувшись мистическому зову, он поднялся по береговому склону наверх, миновал купы кустарника и вышел на луг с высокой травой, напомнивший ему поляну из сна. Не было только речки и тумана, все остальное казалось смутно знакомым и родным, будто он когда-то бродил по этим местам.

Девушку он увидел не сразу, сначала интуитивно почуял ее присутствие – толчком сердца, ощущением скрытого источника света. Она стояла под березой на краю луга в тридцати шагах и смотрела на него спокойно и внимательно, одетая в легкий цветастый сарафан, который почти не скрывал небольшую, но упругую грудь и длинные ноги. Пушистые светлые волосы у нее были распущены по плечам, сияя, как платиновая корона, отчего она напоминала лесную нимфу, спустившуюся с дерева на землю. Назвать ее просто красивой не поворачивался язык. По ощущению Ильи она была прекрасной, и он стоял и смотрел на незнакомку, очень молодую, почти девочку, вбирая ее красоту не глазами, а сердцем, понимая, что внешне нашел ту, которую ждал всю жизнь и за которой готов пойти хоть на край света.

– Кто ты? – хрипло спросил он, когда девушка пошевелилась, собираясь исчезнуть за деревьями. – Как тебя зовут?

– Слава, – оглянулась на него девушка. Голос ее был необычайного бархатного тембра, теплый и мягкий, как и весь ее облик, и сразу становилось понятно, что пела только что именно она.

– Интересное имя. А меня зовут Ильей. – Он шагнул к ней, не обращая внимания на влажную дернину под ногами, и остановился, заметив ее отталкивающий жест.

– Осторожнее, странник, здесь ходить опасно, кругом болото.

Он посмотрел себе под ноги.

– А как же ты ходишь, да еще босиком, не боишься?

– Может быть, я болотница, дочь водяного, внучка старика-болотняка, – лукаво усмехнулась девушка.

– Так и я, может быть, не простой человек, – в тон ей проговорил Илья, видя, как у незнакомки – теперь становилось очевидным, что она действительно очень молода, – поднялись густые брови с крутым «крыльчатым» изгибом. – Может, я тоже сын лешего, внук старика-боровика.

Девушка засмеялась – словно по кустам рассыпалась горсть сталкивающихся хрустальных шариков.

– Боровик не человек, на медведя смахивает, только без хвоста.

– Так и у меня хвоста нету.

Илья подошел ближе, чувствуя под ногами зыбкое вздрагивание торфяного пласта; здешний луг, похоже, действительно представлял собой верхний слой болота.

– Кто тебе такое имечко дал – Слава?

– Мама, – просто ответила девушка, с любопытством глядя на приближающегося Пашина. В глазах ее ни страха, ни тревоги не было, только огонек интереса и – на самом дне – печали. – Слава – это уменьшительное, на самом деле я Владислава, Владислава Мироновна.

– И сколько же тебе лет, Владислава Мироновна? – Илья остановился в нескольких шагах от незнакомки, чувствуя, как гулко бьется сердце и кружится голова то ли от свежего воздуха, то ли от ее присутствия. Хотелось броситься к нимфе, прижать ее к себе, взять на руки и больше никогда не отпускать.

– Скоро будет восемнадцать, – повела плечиком Владислава. – Через три недели исполнится.

– Понятно, я так и думал. А не боишься одна гулять по болотам да чащобам? Где ты живешь? Или на рыбалку с отцом приехала?

– Ни с кем я не приехала, я живу тут недалеко, в деревне, в версте отсюда, Войцы называется. И вообще я не одна.

Послышался шорох, из-за ног девушки высунулась морда собаки, блеснули яркие желтые глаза, дернулся нос, вынюхивая запах пришлого человека, разинулась пасть, обнажая острые белые клыки. Илья с оторопью понял, что это не собака, а волк! Посмотрел на улыбающуюся Владиславу, перевел взгляд на волка, встретил его умный горящий взгляд и вздрогнул: это был волк из его последнего сна. Сны его пока что не подводили, точно предсказывая настоящие реальные встречи и перемены в жизни.

– Хороша собачка, – кивнул на волка Илья и снова почувствовал оторопь: зверь... улыбнулся в ответ! Во всяком случае его гримаса очень смахивала на улыбку.

– Это не собачка. – Владислава погладила лобастую волчью голову между ушами, и волк отступил, исчез в кустах. – Его зовут Огнеглазый. А вы не из Москвы случайно?

– Из Москвы, – кивнул Илья, решив больше ничему не удивляться. – Как ты догадалась?

– Такие фуражки в наших местах никто не носит. Зря вы сюда приехали, ничего не найдете.

– А почему ты решила, что я здесь что-то ищу?

Где-то в лесу за лугом раздался тихий свист, девушка вздрогнула, оглянулась. В глазах ее зажглась тревога.

– Уходите, странник, а то будет плохо. – Она упорно не хотела называть его по имени. – Вас не должны здесь видеть. Здешние места опасные, чужаков у нас не любят. Да они сюда и не добираются, вы первый. Даже странно, что вас пропустили.

– Кто? Уж не жрецы ли храма Морока?

Глаза Владиславы стали огромными.

– Вы знаете... о храме?

– Бабушка Мария Емельяновна рассказывала. – Илья вдруг не удержался и поведал девушке о письме Савостиной, многое упустив, оставив полностью лишь легенду о Боге-демоне Мороке.

– И вы приехали искать камень?! – Глаза девчонки выразили все ее недоверие, но наряду с ним в них плескались еще тревога и страх, уважение и странная надежда.

– Вот приехал, – пожал плечами Илья, чувствуя досаду и одновременно облегчение, будто покаялся перед кем-то неизмеримо высоким в своих грехах.

– Вы его никогда не найдете... – Голос незнакомки понизился до шепота. – Камень давно лежит в другом месте, на дне другого секретного озера. Уходите, пока не поздно.

Свист в лесу повторился, но уже гораздо ближе. Владислава заторопилась.

– Это они... если они вас здесь увидят, вы никогда отсюда не выберетесь, попадете в лесавин круг, и все, пропадете.

– Выберусь, не пропаду, – беспечно махнул рукой Илья, внезапно ощущая спиной холодное дыхание опасности. – Один не найду, вернусь с экспедицией. Ты мне поможешь?

– Не-е... – с сожалением покачала головой Владислава. – Мне нельзя, послушница я...

– Храма?! – вырвалось у Ильи.

Девушка кивнула, отступая за деревья, тень тоски пробежала по ее лицу, стирая живые краски, будто облако заслонило солнышко, так что Илья сам в ответ почувствовал тоску и обреченность.

– И ты знаешь, где этот храм расположен?

Еще один кивок. Девушка отступила еще дальше.

– А камень? Знаешь, где лежит камень с лицом черта?

– Не-е... – донеслось еле слышно. – Знают только старшие жрицы, я еще не посвящена.

– Постой, не уходи. А что, если я тебя увезу отсюда? В Москву? На свободу?

Свет, вспыхнувший в глазах Владиславы, нес в себе столько радости и надежды, что Илья невольно засмеялся в ответ, чувствуя прилив сил.

– Родители у тебя живы? Могу я с ними поговорить?

– Приходите... если сможете. Только вас не пустят в деревню. – Она посмотрела ему за спину, и свет в ее глазах померк, сменившись прежней тоской и безнадежностью.

Илья оглянулся.

Сзади к нему подходили трое одетых в черное мужчин: двое молодых и один постарше, с черной бородой и усами, плотный и какой-то четырехугольный, как сейф.

– Онфим!.. – прошептала Владислава, бледнея.

– Иди домой, – густым голосом почти ласково проговорил бородач. – Опосля поговорим.

– Отпусти его, Онфим, он ничего дурного не делал.

– Иди! – Глаза бородача недобро сверкнули. – Мы только потолкуем с ним о том, о сем и отпустим... на все четыре стороны.

– Не бойся за меня, – посмотрел на девушку Илья, чувствуя нарастающую веселую злость. – И жди, я обязательно вернусь.

Владислава несколько мгновений не сводила своих широко распахнутых глаз – они у нее были голубовато-зеленого цвета – с лица Ильи и вдруг исчезла за деревьями. Илья послал ей мысленно поцелуй, повернулся к не спеша подходившим мужчинам, сжал в кармане камень с дыркой, обергнул деда Евстигнея, и почувствовал исходивший от камня ток *успокоения*. Обергнул работал.

– О чем вы хотите со мной потолковать? – миролюбиво произнес Илья, понимая, что перед ним жрецы храма Морока или же их посланцы, сторожа Врат – камня с изображением беса, а также острова и удивительной девушки по имени Владислава, предназначенной стать жрицей храма. «Ну уж, это мы еще посмотрим! – подумал Илья, стискивая зубы. – Храм сожгу к чертовой бабушке, но не дам жрецам упрятать ее в подземелья на потеху демону!»

– А не о чем нам толковать, мил человек, – равнодушно пробасил бородач. – Мы тебя только поучим маленько, чтобы неповадно было гулять, где не след. – Он остановился, в то время как молодые люди в плотных, несмотря на жаркий день, черных рубахах и таких же черных брюках продолжали приближаться к Пашину. – Намните ему бока, ребятки, не жалейте ребер, а потом отнесите в болотце, пусть полежит, подумает о жизни своей пустяшной.

– Может быть, не стоит сразу-то в болото? – усмехнулся Илья, оценивая подходивших парней. – Разойдемся миром.

Ему не ответили, и он понял, что намерения у охраны острова самые житейские: избить и утопить пришельца в болоте. Хотя, может быть, они действительно получили задание лишь поучить чужака, припугнуть, чтобы никогда больше здесь не появлялся.

Первым к нему подошел могучий телом длинноволосый отрок с бледноватым застывшим лицом, которого, похоже, никогда не касались солнечные лучи. Он попытался сграбастать Илью за плечо, но поскользнулся и упал лицом вперед от несильного с виду, но точного тычка пальцем в сонную артерию.

Второй молодой человек, смуглолицый, с усиками, такой же длинноволосый, с косоватыми глазами, говорившими о примеси азиатской крови, в отличие от своего напарника знал приемы рукопашного боя и хватать Илью не стал. Не доходя до него двух шагов, он вдруг упал и в подкате достал Илью ногами, пытаясь сбить его на землю. Однако подобные приемы (странный манера, что-то похожее на славяно-горицкую борьбу) серьезной опасности для Ильи не представляли, поэтому он намеренно дал себя уронить, ожидая, что будет дальше.

Противник захватил рукой его ногу, попытался нанести еще один удар – ногой сверху в грудь, и уже по одному этому можно было судить о его подготовке: морской спецназ, школа «монастыря на воде», взявшая на вооружение многие приемы боевого самбо и кунг-фу. Илья опять же сознательно принял на себя удар, ослабив его резким выдохом, затем перехватил ногу парня и одним движением выкрутил голеностоп из сустава.

Боль от такого приема бывает дикая, Илья сам когда-то испытал ее во время схватки с мастером ша-фут-фань в Тибете, но этот парень даже не вскрикнул, только перекатился в сторону и встал на колени, схватившись руками за ногу и глядя на Илью горящими расширенными глазами.

– Может быть, хватит? – предложил Илья, гибко подхватываясь с земли, держа всех троих в поле зрения и вычисляя, нет ли у них огнестрельного оружия. – Человек я мирный, никому не мешаю, но очень не люблю, когда меня пытаются поучить вопреки моему желанию.

Бородач нахмурился, с некоторым недоумением глянул на своих помощников и двинулся на Илью, как танк, загребая траву огромными, не менее чем сорок шестого размера, сапогами. Он был так уверен в себе, что Илья невольно почувствовал спиной холодок смятения. Поднял руку.

– Давайте не ссориться окончательно, уважаемый. Я сам сяду в лодку и уплыву. Договорились?

Бородач продолжал надвигаться как бульдозер, внезапно метнулся к Илье, демонстрируя неожиданную для его тела быстроту и ловкость, и едва не зацепил голову Пашина огромным кулаком. По шипению воздуха Илья оценил мощь удара, понял, что это противник посерьезней, что с ним шутить нельзя, и ответил болевым ударом из арсенала кэмпо – в бровь и «лапой тигра» в грудь в районе легких. Обычно этого хватало, чтобы пресечь бой в самом начале. Однако бородач не остановился, нанося еще два мощных удара, едва не задев Пашина. Впечатление было такое, будто удары самого Ильи не достигли цели! А ведь любым из них можно было заставить прекратить бой любого мастера, понимающего толк в приемах да-цзешу. И все же удары на Онфима не подействовали никак, несмотря на то, что бровь над его левым глазом начала вспухать. Он шел и шел вперед как машина, и хотя арсеналом ударов владел не слишком разнообразным, менее опасным от этого не стал.

Где-то недалеко раздался знакомый свист.

Илья понял, что дело принимает нешуточный оборот: сторожа острова звали своих приятелей на помощь. Надо было срочно уходить, пока не прибыли специалисты другого плана – с оружием в руках. Шансов отбиться от них у Ильи почти не было.

Он сделал вид, что с трудом увертывается от ударов противника, поймал его «в перекрестие» приема и ударил в горло, поворачивая кулак таким образом, чтобы травмировать человека, а не убить. Бородач Онфим отшатнулся, хватаясь рукой за горло, и упал навзничь, так что вздрогнул торфяной слой болота, на краю которого происходила схватка. Где-то в кустах послышался тихий вскрик, между берез показалась Владислава. Очевидно, она не послушалась приказа главного сторожа и наблюдала за поединком сквозь листву кустарника.

– Ты... его?..

– Здоровый, бугай! Очухается, будет жить. – Илья нагнулся над телом Онфима, выпрямился, вытягивая руку в сторону смуглолицего парня, попытавшегося было двинуться к нему с ножом в руке. – Сиди, если здоровьем дорожишь! – Повернулся к девушке. – Идем со мной сейчас, Слава!

– Не могу, – замотала головой Владислава, на глаза которой навернулись слезы. – Нас убьют обоих... не выпустят... уходи быстрее, сейчас здесь будут навьи воины...

– Ничего, отобьемся. Эти тоже казались себе воинами.

– То совсем другое дело, ты не понимаешь, навьи воины заколдованы. – Владислава прижала кулачки к груди, слезы потекли по ее щекам. – Уходи, прошу тебя. Меня они не тронут, я здешняя...

Илья шагнул к ней, обнял, жадно оглядывая лицо девушки, поцеловал в соленые щеки, в глаза, в губы.

– Будешь ждать?

– Буду... – зажмурившись, едва слышно прошептала она.

Илья еще раз поцеловал ее в губы и, не оглядываясь, нырнул в кусты.

Катер стоял на месте в целости и сохранности. Илья прыгнул в него с разбега, достал весло, оттолкнулся от берега, начал грести, направляя корму в протоку, по которой подплыл к острову. Прежде чем стена тростника скрыла от него берег, он успел разглядеть вынырнувшие из кустов фигуры, потом раздалось рычание, крики, стремительная серая тень бросилась к преследователям, заставляя их отступить, и Илья понял, что ему на помощь пришел волк Владиславы, посланный хозяйкой отвлечь внимание сторожей.

Катер выбрался из тростниковых зарослей на чистую воду, взревел мотором, набирая скорость. Илья ожидал встретить лодки или катера хозяев острова, перекрывающие ему дорогу, ничего и никого не увидел и направил свой катер в открытые просторы озера, с облегчением переводя дух. Однако, как оказалось, его приключения на этом не кончились.

Что случилось, он не понял, поначалу решив, что просто загляделся назад, на удаляющийся мыс Стрекавин Нос.

Скала Синий Камень вдруг выросла на пути катера буквально в полусотне метров, и ему стоило больших трудов вовремя снизить скорость и отвернуть, хотя руль почему-то не хотел поворачиваться, а мотор – сбавлять обороты. Чувствуя, как сердце готово выпрыгнуть из груди, Илья вытер кепкой пот со лба, оглянулся назад, и ему показалось, что над Стрекавиным Носом виситя полупрозрачная дымная фигура, напоминающая сторбленную старуху с клюкой. Старуха погрозила ему клюкой и растаяла.

Илья сплюнул через левое плечо, направляя катер прочь от скалы с осклизлым основанием, в которую едва не врезался на полном ходу, и через минуту обнаружил, что снова мчится к Синему Камню на всех парах. Столкновение казалось неминуемым, но в последний миг Илья вспомнил о подарке деда Евстигнея, дотронулся до оберега рукой и смог вывернуть штурвал так, что катер лишь чиркнул боком о скалу да скрежетнул днищем о камни.

Несколько минут Пашин отдыхал, ни о чем не думая, успокаивая дыхание и сердце. Потом нашел глазами в небе все так же неспешно кружащего альбатроса, послал ему мысленный призыв о помощи и дождался «ответа»: альбатрос вдруг спикировал вниз, внимательно разглядывая скалу и человека в катере, отвернул в сторону, стал удаляться. Не выпуская его из виду, Илья включил двигатель и повел катер следом. Через полчаса он почувствовал странное облегчение, дуновение свежего ветра, стал слышать звуки: посвисты ветерка, хлюпанье волн о борта катера, клочотание воды над винтом. Алое солнце висело прямо над обрезаем воды, готовясь нырнуть за горизонт, и дорожка на воде от него была также чисто алого цвета. Она не слепила глаза, казалась твердой, и по ней можно было идти, как по стеклу.

Альбатрос взлетел выше, сделал над катером круг, словно прощаясь с Ильей, и полетел назад. Он сделал свое дело, вывел беглеца из заколдованного места.

– Спасибо! – вслух поблагодарил его Илья, оглядываясь.

Скала Синий Камень была уже не видна, но ощущение того, что она вот-вот появится перед носом катера, оставалось еще долго, пока Илья не пересек Синецкий залив озера и не вошел в устье Ловати.

Через час стемнело, и катер он ставил на стоянку уже в полной темноте. На пристани его ждал дед Евстигней.

СЛУЧАЙНЫХ ВСТРЕЧ НЕ БЫВАЕТ

Встолицу Антон ехал на поезде Архангельск – Москва, с трудом достав билет в плацкартный вагон. Казалось, вернулись недоброй памяти советские времена, когда летом народ устремлялся в столицу из всех ближних и дальних городов и весей, чтобы разжиться дефицитом, и очереди в кассах Ярославского вокзала стояли приличные.

Вместе с Грозовым в вагон села ватага крутоплечих парней с серьгами в ушах, как знак некой касты, одетых пестро и вызывающе, похожих то ли на цыган, то ли на цирковых артистов, то ли на металлистов, любителей канувшего в Лету хард-рока. Антон сел на указанное проводником место, поставил на верхнюю полку свою дорожную сумку, оглядел пассажиров и наткнулся на взгляд очень красивой молодой женщины, похожей на гречанку тонким резным профилем и смуглым лицом, но слегка скуластую и с бровями вразлет. Волосы у нее были цвета воронова крыла, длинные, собранные на затылке в тяжелый узел, а глаза – голубые, и этот контраст подействовал на Антона почему-то особенно сильно. Пробормотав приветствие всем сидящим, Антон снова посмотрел на красавицу-«гречанку», но та отвернулась, и он смог разглядеть ее чуть подробней, оценив высокую грудь под туго натянутой блузкой, красивые ноги, которые она не прятала, закинув ногу на ногу, простой, но, вероятно, очень дорогой, судя по качеству, дорожный костюм. Словно почувствовав, что ее рассматривают, незнакомка глянула на Антона, сдвинув брови, и он поспешно отвел взгляд, досадуя на свою заторможенность. И в это время в проходе купе появилась компания парней, заполнив суетой и шумом, смехом и руганью весь вагон.

В купе оставалось всего два свободных места, и двое молодых людей с татуировкой на руках и плечах тут же заняли эти места у окна, но их было восемь человек, четверо разместились в соседнем купе, согнав с места какую-то женщину, остальные же решили расположиться рядом.

– Эй, дед, – хлопнул один из них по плечу пожилого мужчину в выдавшем виды пиджаке. – Вали в соседнее купе, здесь мы будем сидеть.

Мужчина посмотрел на парня-амбала под метр девяносто ростом, не с мускулистыми, а скорее с толстыми руками и ногами и выдающимся животиком, с подбрityми висками и затылком, покорно встал, вытаскивая из-под сиденья свою котомку.

– И ты тоже. – Грязный палец парня с обкусанными ногтями уперся в Антона. – Не заставляй ждать. Смотрите-ка, какой сюрприз нас ждет. – Глаза парня пробежались по фигуре красивой брюнетки с голубыми глазами. – А мы думали, скучать придется. – Он снова посмотрел на неподвижно сидевшего Антона. – Ты что, не понял? Ну-ка давай, двигай быстрее, девушка жаждет познакомиться с нами.

Антон поймал иронично-сочувственный взгляд незнакомки и решил остаться, хотя за мгновение до этого подумывал встать и перейти на другое место. Скандала затевать не хотелось, но еще больше не хотелось терпеть хамское обращение.

– Я посижу здесь, с вашего позволения, – ровным голосом сказал он.

Амбал озадаченно уставился на него, потом оглянулся на такого же толстомясого сытого напарника, ждущего, пока освободится место.

– Ты слышал, Есаул?

– Слышал, – лениво отозвался тот. Их приятели уже доставали из пакетов бутылки водки, еду и карты. – Покажи ему документ, может, очнется.

Парень с подбрityми висками достал складной нож, нажал кнопку и направил выскользившее лезвие на Антона.

– Как тебе нравится этот документ?

В то же время нож выскочил у него из руки и оказался у Ильи. В купе установилась тишина. Пассажиры поняли, что происходит нечто необычное, и с любопытством и тревогой ждали продолжения. Компания же хамоватых, уверенных в безнаказанности молодых людей, не ожидавших отпора, с удивлением разглядывала неприметного с виду мужика с бледноватым лицом и спокойным взглядом серых глаз, широкоплечего, но не выглядевшего суперменом.

Антон сложил нож, протянул отпрянувшему амбалу с бритыми висками.

– Не балуйся с острыми предметами, отрок, не ровен час, порежешься.

Парень с опаской взял нож, снова оглянувшись на развеселившихся приятелей, и их скалившиеся рожи заставили его рассвирепеть. Он шагнул к Антону, замахнулся, ощерившись.

– Пошел отсюда, придурок! Дам в лоб – долго мозги со стен соскребать будешь!

Антон сделал мгновенный выпад пальцем в артерию под мышкой парня, и тот, ойкнув, присел в проходе с побелевшими от боли глазами, судорожно прижав локоть к боку. Удар этот заметила только незнакомка у окна, ни пассажиры, ни остальные «повелители жизни» ничего не поняли, разглядывая своего осоловевшего приятеля с веселым ржанием.

– Ты чо, Валет? – прохрипел Есаул, – на полу, что ль, решил посидеть?

– Г-гад! – еле выговорил подбритый.

– Кто, я?!

Валет посмотрел на Антона снизу вверх, в глазах его зажглась ненависть. Он сообразил, что мужик в серых брюках и такой же рубашке что-то сделал, отчего ему стало плохо.

– Мы же тебя... падла... в бараний рог...

Сидевший через проход татуированный парень тоже понял, что его друг сел на пол не зря, начал приподниматься, угрожающе наклоняясь к Антону, и тот сказал тихо, не меняя позы, но так, что его услышали не только в этом купе:

– Ребята, не трогай бы вы мирных граждан. На курорте не так хорошо, как рекламируют органы.

– Какой еще курорт... – начал было Есаул, норовя схватить Антона за воротник рубашки, но его остановил подошедший из соседнего купе здоровяк с наколками не только на руках и плечах, но и на шее.

– Не поднимай кипеж. Зек, что ли? – осведомился он, внимательно посмотрев в глаза Антону.

– Бывший, – усмехнулся Антон.

– Понятно. Давно с дачи⁷?

– Неделя.

– Понятно. За что чалился⁸?

– За базар.

Здоровяк тоже усмехнулся.

– Понятно. Крутой ты, я гляжу, ничего не боишься. А ну как на беспредельщину нарвешься?

– Так ведь и я не бобик, – пожал плечами Антон.

– Волк⁹, что ли?

– Олень.

Здоровяк еще раз внимательно оглядел Антона, покачал головой.

– Смотри, не лажанись, олень. Подхватишь где-нибудь бациллу, вроде этой, – он кивнул на нож в кулаке Валета, – никакой эскулап не поможет.

– Я приму это к сведению, – кротко ответил Антон.

⁷ Дача – место лишения свободы (бандитско-воровской жаргон).

⁸ Чалиться – отбывать срок в зоне.

⁹ Волк – профессиональный преступник.

Вожак компании отошел, хотя было видно, что ему хочется по-своему разобраться со строптивым пассажиром. Антон понял, что на вокзале следует ожидать продолжения разговора.

Пассажиры отреагировали на происшедшее почти одинаково, как на разборки бандитов, один из которых, судя по всему, недавно вышел из тюрьмы, что заставило Антона пожалеть о своем решении не подчиниться молодым хамам. Толстая тетка, сидевшая рядом, напротив незнакомки с голубыми глазами, опасливо отодвинулась, поджав губы, а интеллигентного вида пара, выглядывающая из соседнего купе, поспешно отвернулась. Антон покосился на голубоглазую незнакомку, мнение которой было ему небезразлично, встретил ее заинтересованно-осуждающий взгляд и виновато улыбнулся уголком рта. Женщина ответила такой же почти незаметной понимающей улыбкой, и между ними установился тонкий канал взаимопонимания. К сожалению, не надолго. Севший рядом с ней Валет напомнил о себе, тронув ее за колено и поинтересовавшись, как ее зовут.

«Гречанка» сбросила его руку, не собираясь отвечать, но Валет снова полез к ней, осклабясь, предлагая познакомиться, явно вызывая Антона вмешаться, и добился своего. Антон перехватил его руку, сжал особым образом, так что тот побледнел, боковым зрением увидел взмах руки татуированного молодца, сидевшего через проход, перехватил левой рукой его кулак с кастетом и вывернул. Сказал с нажимом, жестко и раздельно:

– Сидеть тихо, урки! Не борзейте, маслинами накормлю!

«Маслинами» на блатном жаргоне назывались пули, и хотя пистолета у Антона, естественно, не было, крутые мальчики ему поверили. В проходе снова появился вожак ватаги, держа руку в оттопыривающемся кармане брюк.

– Отпусти их, своячок, здесь я держу зону, как ты соображаешь. Или не соображаешь?

Антон понял, что здоровяк с наколкой на шее, изображавшей дракона, вооружен.

– Если держишь, так держи, – посмотрел он ему в глаза; под формулой «держат зону» подразумевалось быть паханом, лидером среди заключенных. – Пусть посидят тихо-мирно, никого не задевают.

– Боюсь, ты себя переоцениваешь, своячок... олень. Не избежать тебе облома¹⁰ на бану¹¹, будь готов. – Здоровяк посмотрел на своих подчиненных нехорошим взглядом и отошел.

Антон отпустил обоих, пересилил желание посмотреть на незнакомку, откинулся на перегородку купе, закрыл глаза и сделал вид, что собирается поспать. Сквозь неплотно сомкнутые веки он, конечно, видел каждое движение парней, так что застать врасплох они его не могли, однако ехать так долго было невозможно, и, промучившись таким образом полчаса, послушав переговоры немного притихших парней, Антон открыл глаза.

Красивая незнакомка читала книгу, не обращая ни на кого внимания, и Антону стало грустно. Момент, когда они могли познакомиться, прошел, «косить» под блатного уже не хотелось, а навязывать свое общество кому бы то ни было Громов не любил. Так они и доехали до Москвы под аккомпанемент громкого общения веселой компании, в зыбком равновесии вагона, делая вид, что заняты своими мыслями и делами, хотя чувствовалось, что блатные удерживаются от чересчур хамских выходов с трудом, давая зато волю языку. Однако Антон на это реагировать не желал, чтобы не усугублять взрывоопасную ситуацию.

Незнакомка вышла из вагона на перрон Ярославского вокзала первой. Оглянулась на идущего следом Антона и поспешила к спуску в метро. Антон с сожалением проводил ее взглядом, задавил желание незаметно проводить ее до дома и оглянулся на сиплый прокуренный голос:

– Ну что, своячок, побазарим?

¹⁰ Облом – избивание.

¹¹ Бан – вокзал.

Это был вожак ватаги с двумя здоровенными качками, поедавшими Антона глазами. Остальные парни, в том числе обиженные Грозовым Валет, Есаул и амбал с наколками на плечах, перегородили перрон с двух сторон, процеживая выходящих пассажиров, как сквозь гребень. Они ждали, они жаждали зрелища, будучи уверенными в своем превосходстве, но вряд ли предполагали, каким будет финал их «базара» с обидчиком.

Антон не стал ни заводить пустой разговор, ни предупреждать, он просто и наглядно показал шайке, ведомой «авторитетом», прибывшей в Москву по своим рэкетирским делам, а может быть, для разборок с «братвой» другой такой же шайки, что такое да-цзе-шу, то есть искусство пресечения боя.

Вожак не успел воспользоваться пистолетом в кармане, пропустив незаметный мгновенный удар костяшками пальцев в переносицу, и уже не видел, как легли на перрон его быки-телохранители. Затем то же самое произошло с тройкой ватажников, загораживающих выход в город. Не оглядываясь больше и не обращая внимания на пассажиров, начавших собираться в толпу, Антон сбежал по ступенькам перехода вниз и вошел в метро, сожалея, что дал себе волю, позволил втянуть себя в конфликт. С другой стороны, хамы заслуживали адекватного ответа. Правда, если быть честным, вмешался Антон больше не ради восстановления справедливости, а под влиянием чар голубоглазой красавицы, так и не пожелавшей выразить бывшему зеку благодарность за помощь.

Антон вздохнул: образ женщины не желал исчезать из памяти, продолжая будоражить воображение, заставляя испытывать досаду, сожаление и грусть.

Шел второй час дня, когда он вышел из метро на Пушкинской площади и начал обзванивать бывших друзей и сослуживцев по имеющимся у него телефонам. Однако смог дозвониться только до майора Мамедова, оказавшегося на службе. Майор за четыре года отсутствия Антона в столице успел получить звание подполковника и работал теперь заместителем начальника спецшколы ГРУ, располагавшейся на том же месте, что и прежде, – в Щелково. Звонку бывшего инструктора по рукопашному бою он не обрадовался, сухо сообщил, что времена к лучшему не изменились, что помочь Грозову устроиться на работу в прежнем качестве он не может, и посоветовал обратиться в отдел кадров конторы.

Вежливо поблагодарив подполковника, Антон повесил трубку и с час гулял по Тверскому бульвару, приглядываясь к прохожим и потокам машин, заново переживая свое возвращение в большую жизнь, которая не спешила принять его обратно. Мир зоны – страшный мир, и, вспоминая его, Антон радовался обыкновенным человеческим лицам, каждому взрыву смеха и просто улыбке или жесту дружелюбия.

Пообедал он бульоном и пирожками в «Русском бистро», отметив сравнительно невысокие цены и вполне сносное качество продукции заведения. Снова начал звонить всем, кого знал по прежним встречам и связям, даже рэксам, бывшим ученикам группы десанта, но почти никого не застал дома. Все были на службе, в командировках или в отпусках, а кое-кто уже и не жил в Москве, переехав по месту нового назначения.

Тогда Антон взял билет в кинотеатр «Пушкинский» и почти с удовольствием посмотрел на большом экране новую версию «Хищника» с Арнольдом Шварценеггером в главной роли, недавно появившуюся в прокате. Наибольшее впечатление на него произвели не спецэффекты создателей фильма, а реакция зрителей, переживавших за героя на полном серьезе: женщины вскрикивали от ужаса, хватались за сердце и вытирали слезы, мужчины же от избытка чувств стискивали подлокотники кресел, а в некоторые моменты боя главного героя с хищным охотником, представителем иного разума, по мысли сценариста и режиссера, более агрессивного, чем человеческий, даже махали кулаками.

Антону же стало противно. Мастера Голливуда умело создавали образ врага, манипулировали сознанием и чувствами зрителей, внушая им нетерпимость и ненависть ко всем инакомыслящим, к тем, кто отличался от «нормальных» людей, к любым проявлениям свободы

воли, даже к существам, которые просто не понимали людей в силу умственной ограниченности. Антон не был сентиментальным или чересчур чувствительным, жизнь постаралась выбить из него пары романтики и доброго отношения к ближним, однако вполне допускал возможность компромисса. По его мнению, с любым человеком или существом всегда можно договориться, исключение составляли только «отморозки», бандитствующие отбросы типа братвы из поезда или профессиональные киллеры, сознательно зарабатывающие на жизнь убийством людей. В американских же боевиках герои *никогда* не делали попыток договориться, следуя прямолинейной логике своих создателей, поделивших мир на белое и черное.

Третий цикл телефонных переговоров Антон завершил вечером, в начале десятого, когда над Москвой начали сгущаться тучи, предвещавшие дождь. Поговорить удалось только с врачом школы Теймуразом Какулия, с которым Антону приходилось контактировать в силу специфики подготовки: случалось, не только курсанты-первогодки, но и опытные мастера, профессионалы боя, ломали руки-ноги-пальцы-челюсти, ставили синяки, наносили друг другу травмы и нуждались в лечении. Теймураз знал историю Громова и тоже выслушал его с невеликой охотой, хотя отнесся к его проблеме с сочувствием. Однако приглашать к себе в гости не стал, да и дельного ничего не посоветовал. К его предложению создать свою школу единоборств всерьез относиться не стоило. У Антона не было ни денег, ни возможностей, ни связей в спортивном и деловом мире Москвы.

Посидев на лавочке у памятника Пушкину, Антон скрепя сердце позвонил Серафиму Тымко и имел с ним минутную беседу, после чего решил больше никогда с ним не связываться. Тымко и раньше-то относился к нему не слишком дружески, считая его увлечение русбоем детским стремлением самоутвердиться, а после того, как Антон отмотал срок в зоне, и вовсе перестал питать к нему добрые чувства, судя по тону разговора. Может быть, он до сих пор не мог простить Громову то, что Илья Пашин, по его мнению, относился к Антону теплее, чем к нему, хотя Серафим проводил с Ильей времени больше и считал его «своим».

Начавшийся дождь разогнал толпу встречающихся и отдыхающих у памятника, лишь изредка у бронзовой фигуры великого поэта останавливались молодые люди, нетерпеливо высматривающие кого-то, дожидались подруг, целовались под зонтиками и убегали. Антон продолжал терпеливо сидеть на скамейке в одиночестве, накинув на себя плащ с капюшоном, и решать невеселую проблему, как жить дальше. Звонить больше никому не хотелось, мокнуть под дождем всю ночь тоже не казалось лучшим выходом из положения, надо было искать гостиницу и устраиваться, но он все сидел и сидел, глядя на дождевые фонтанчики на плитах тротуара, и медитировал.

Дождь приутих в начале двенадцатого. Антон очнулся, собираясь наконец двинуться на поиски сухого угла, и внезапно заметил возившиеся у памятника темные фигуры. Сначала не понял, что они делают, потом с удивлением разглядел, что трое парней в куртках рисуют на памятнике аэрозольными баллончиками свастику и какие-то надписи.

– Эй! – окликнул Антон неизвестных «художников». – Вы что это делаете?

Две куртки моментально прыснули в разные стороны, но тут же остановились, видя, что окликнувший их человек один. Третий продолжал быстро дорисовывать начатое. Антон двинулся к нему и наткнулся на еще двух парней в таких же одинаковых черных куртках и кепках с длинными козырьками, на которых вместо кокард красовались значки со свастикой.

– Иди отсюда, дядя! – с угрозой прошипел один из них; в свете фонаря блеснуло лезвие ножа. – Не мешай высказывать свое мнение свободным людям.

Антон ударил.

Нож, кувыркаясь, вылетел из руки «свободного человека» и зазвенел по асфальту. Парень ойкнул, отшатываясь, кепка слетела с него, обнажая бритую голову. Его напарник бросился на Антона с короткой дубинкой, оказавшейся электрошокером, пришлось «качать маятник»

и ловить парня на замахе, в результате чего тот получил разряд собственного оружия пониже спины и с воплем бросился бежать. Раздался свист, крик:

– Смываемся!

Бритоголовые метнулись прочь от памятника, но Антон все же успел достать «художника», вывихнул ему руку с ножом и с удовольствием опорожнил баллончик с ядовито-зеленой краской на лицо и одежду парня. Превращенный в клоуна «художник» поскакал по аллее, как лось, мыча и отплеываясь, пугая редких прохожих. Издалека донеслось:

– Мы тебя из-под земли!..

Антон бросил баллончик, приблизился к памятнику, возле которого уже стояли несколько человек, и прочитал: «Долой метисов и ж...» Остальное «художник» дорисовать не успел.

– Вот сволочи, хулиганье! – сказал какой-то мужчина с зонтом в руке. – Никакой управы на них нет. Это бандиты из «Батальона национального воспитания», они уже не один памятник осквернили таким образом.

Подошел милиционер, прочитал надпись и вызвал по рации наряд. Антон поспешил отойти, не желая связываться с органами правопорядка. Они наверняка потребовали бы документы, а увидев «ксиву» Громова, свободно могли забрать в милицию для выяснения обстоятельств. Хотя это, может быть, было бы лучшим выходом из положения, подумал Антон, спускаясь в подземный переход. Не надо было бы гостиницу искать, провел бы ночь в КПЗ, а там разобрались бы и отпустили. Поколебавшись немного, он снял трубку телефона в тупичке у будки театральной кассы и позвонил Илье Пашину. Это был единственный человек, который мог ему помочь в данной ситуации. Но еще ни на один звонок он не ответил. Автоответчик сухо сообщал, что хозяин в отъезде и будет не скоро.

Подержав трубку возле уха и выслушав то же самое, Антон хотел уже отойти от телефона, как вдруг в трубке щелкнуло, раздался голос Ильи:

– Слушаю.

Антон сглотнул слюну, не сразу придумав, что сказать.

– Илья?

– Да. Кто это?

– Это я, Антон...

– Громов?! Как я рад тебя слышать! Серафим говорил, что ты звонил ему, но я был в рейде, только что приехал. Откуда звонишь?

– С Тверской. Шатаюсь по Москве целый день...

– Понятно. Адрес помнишь? Садись в такси и приезжай, жду. Хотя, может, я заберу тебя на машине?

– На метро я доберусь быстрее.

– О'кей. – Илья засмеялся. – До чего же я рад, дружище, что ты на свободе! Жми во всю прыть, не терпится тебя увидеть. Да, кстати, забеги в булочную по пути, купи хлеба, а то у меня хоть шаром покати.

– Что, не женился еще?

– Да никак, понимаешь, не встречу свою единственную, за которой хоть на край света. Хотя... по-моему, встретил. Приедешь, расскажу.

Антон повесил трубку и, улыбаясь, чувствуя огромное облегчение, направился ко входу в метро.

Знаменитый путешественник жил в Сокольниках, на краю Ширяева поля. Его дом стоял на пересечении Большой Тихоновской и Большой Ширяевской улиц и выходил окнами в парк. Антон в прежние времена не раз бывал в гостях у Пашина, превратившего квартиру в музей путешествий, и хорошо помнил, как добираться до этого приятного во всех отношениях уголка Москвы.

Илья встретил его у порога, обнял, они несколько мгновений постояли так, расчувствовавшись, хлопая друг друга по спинам. Потом хозяин повел гостя в ванную, дал полотенце и халат, а когда Антон вернулся в гостиную, красный, распаренный, чистый, благоухающий мылом, там уже был накрыт стол.

Гостиная большой четырехкомнатной квартиры Пашина, доставшейся ему по наследству от отчима, генерала КГБ в отставке, умершего десять лет назад, практически не изменилась за те четыре года, что Антон проторчал в зоне под Нефтеюганском. Только экспонатов добавилось, добытых Ильей в разных уголках Земли. Все они были подарены вождями племен, президентами и королями тех стран, где Пашина принимали по высшему разряду как почетного гостя, известного всему миру своими рискованными экспедициями. Антон отметил появление нового меча на стене – кампилана¹² и духового ружья, а также статуэтки из эбенового дерева: негр душил змея, обвившегося вокруг его ног.

Ради встречи выпили по глотку водки (оба почти не употребляли алкоголя), потом ели китайскую лапшу под соевым соусом, очень вкусную, приготовленную Ильей в волновой печи, овощное рагу и бутерброды с икрой. Пашин ничего не спрашивал о житье-бытье в зоне, и Антон был ему благодарен за это, сам начав рассказывать невеселую историю, закончившуюся судом и колонией. Затем наступила очередь Ильи, явно жаждущего поделиться своими впечатлениями и открытиями, и Антон с удивлением и недоверием выслушал повествование о поездке в деревню Парфино, на берег озера Ильмень.

– Сказки... – пробормотал он, когда Илья закончил рассказ.

– Сидя здесь, на диване, и я почти не верю в эту историю, – улыбнулся хозяин, наливая гостю чаю. – Но подушка в спальне с дыркой – факт, и оберег деда Евстигнея – тоже факт, можешь пощупать его руками, он шелковистый и теплый, как живой котенок.

Антон взял в руки круглый белесый камень с отверстием посередине, подивился его тяжести. Однако вопреки словам Ильи камень был холодным как лед и шершавым.

– Странно... – пробормотал Илья, взвешивая его в руке и прислушиваясь к своим ощущениям. – А мне он кажется теплым и гладким. Может, не предназначен для передачи другим людям и отвечает только тому, кого бережет?

Антон пожал плечами. Он еще не знал, как отнестись к рассказу Пашина, но, зная его трезвый ум и не поддающийся внешнему влиянию характер, склонен был держать нейтральную позицию.

– А что ты там намекал о женщинах? Кого встретил, если не секрет, за кем мог бы пойти на край света?

Лицо Ильи разгладилось и посветлело. Антон с интересом увидел в глазах друга смущение и неуверенность.

– Да я уже рассказывал тебе о ней – девочка с острова. Не поверишь: влюбился – как мальчишка! – Илья дернул себя за вихор. – Сначала я увидел ее во сне. – Он рассказал сон-предзнаменование, в котором услышал удивительной красоты голос и разглядел его обладательницу. – Потом встретил на Стрекавином Носу. Если бы ты ее видел, потерял бы голову, как и я.

– Но ей же, ты говорил, нет восемнадцати...

– Да я и сам понимаю, разница в возрасте между нами огромная, больше двадцати лет, но ничего не могу с собой поделать. А главное, не хочу! Может быть, ты и не веришь в такие совпадения, в мистику, но это – судьба. Кстати, она обещала меня ждать.

Антон с любопытством посмотрел на оживленно-взволнованное лицо Пашина, но вслух свои сомнения высказывать не стал. Не то чтобы он не верил в любовь с первого взгляда, просто не встречал тех, кому в этом смысле повезло.

¹² Кампилан – малайско-индонезийский однолезвийный меч с длинной изогнутой рукоятью.

– И что ты теперь намереваешься делать?

– Организую экспедицию на Стрекавин Нос. Пусть эти жрецы храма Морока попробуют завернуть целый отряд. Если камень с Ликом Беса действительно существует, мы его найдем и уничтожим.

– Ты сомневаешься?

– Как и всякий исследователь, не более того. Уж слишком явно оказывается давление, вплоть до угроз физического устранения, а дыма без огня не бывает. Кстати, почему бы тебе не пойти со мной? Чем ты предполагаешь заниматься в ближайшее время?

– Ничем, – кривовато улыбнулся Антон. – Я безработный и практически бомж. Попробовал устроиться на работу в Ярославле, однако с моими документами это оказалось невозможно. Заинтересовалась лишь какая-то криминальная контора, гонцов даже прислала.

– А ты что?

– Спустил их с лестницы.

– Тем более поехали с нами. Понимаешь, не идут у меня из головы слова Владиславы о «навых войнах». Что это еще за воинство такое, черт бы его побрал? Каковы его возможности? С кем мы столкнемся? Надеюсь, ты свои навыки мастера боя не потерял?

Вместо ответа Антон смахнул со стола фарфоровую чашку, поймал ее подъемом стопы и поставил обратно.

– Ух ты! – Илья вытянул губы трубочкой. – Я так не умею. Что ж, рад, что ты в форме. Как тебе мое предложение?

– Я подумаю.

– Только недолго, до завтра... – Илья посмотрел на часы. – Вернее, уже до сегодня, до полудня. В четыре я иду на день рождения к приятелям, там мы и обсудим состав экспедиции. Можешь пойти со мной.

– Неудобно, – засомневался Антон. – Меня же не приглашали.

– Я поговорю с Лерой, она не будет возражать, наоборот, обрадуется.

– Кто она?

– Лера, Валерия Никитична Гнедич, филолог, кандидат наук, знаток русской мифологии и фольклора. Что ты еще хочешь знать? К сожалению, замужем, но женщина очень красивая и умная. Она недавно приехала из командировки, позвонила и пригласила на свой день рождения. Сегодня ей исполняется двадцать восемь.

– Львица... – пробормотал Антон.

– Что? – не понял Илья. – А-а... да, по китайскому календарю она львица. Да ты сам это почувствуешь: она привыкла быть лидером, и вся компания всегда вращается вокруг нее. Муж у нее, между прочим, подполковник ФСБ. Неплохой мужик, умный, но, на мой взгляд, слишком флегматичен, погружен в себя.

– Зека формой не испугаешь, – усмехнулся Антон, вспоминая незнакомку из поезда. Судя по ее независимому поведению, она тоже была лидером.

Илья рассмеялся, встал из-за стола.

– Давай укладываться спать, а то уже утро скоро. Еще наговоримся.

Антон согласно кивнул, чувствуя приятную усталость. И тем не менее они проговорили еще полчаса, вспоминая старых друзей, прошлые встречи, совместные походы на лодках по Селигеру и реке Пре, бывшие праздники и будни. Спать легли только в начале пятого утра, когда небосвод на востоке начал светлеть. Спал Антон без сновидений, как младенец, впервые за последние несколько лет чувствуя на душе легкость и спокойствие.

Проснулся он в семь, но, вспомнив, что никуда спешить не надо, что сигналов побудки не будет, с блаженным облегчением заснул снова и проснулся уже в начале одиннадцатого, обнаружив, что Илья давно убежал из дома по делам. На столе в кухне лежала записка: «Завтракай

и отдыхай. Если хочешь, погуляй по парку, съезди в центр, но в два часа будь дома, как штык, поедem в гости. Ключи на тумбочке».

Антон сделал из листка записки бумажный самолетик, запустил его в окно, побродил по комнатам квартиры-«музея» Пашина, вдыхая непередаваемые запахи дальних стран, старины и чужеродности, потом сделал зарядку, воспользовавшись спортивным инвентарем Ильи в его спальне – многоруким идиолом для отработки ударов и блоков, макиварой и резиновыми тяжами. Кроме стандартного набора предметов для тренинга, здесь стоял еще и электронно-компьютерный тренажер для отработки реакции в нестандартных ситуациях, но Антон включать его не стал. Потрогал шлем с выпуклыми фасетчатыми очками и вышел из спальни. В его время такой аппаратуры не существовало, но вряд ли она давала существенный эффект. Рожденный воином и без нее становился воином, тому же, кто опирался лишь на практические занятия и качал мускулы, она помочь не могла.

День обещал быть жарким, по небу ползли редкие облачка, и Антон переоделся в летний костюм, захваченный из дома, который он не носил уже четыре года: белые брюки, футболка, туфли в дырочку. Захотелось не спеша побродить по центральным улицам столицы, посидеть на веранде какого-нибудь летнего кафе и просто отдохнуть, ни о чем серьезном не думая. Так он и поступил, закрыв за собой дверь пашинской квартиры, оборудованной специальной сигнализацией. Все же некоторые экспонаты «музея» имели солидную реальную ценность.

В метро он почувствовал на себе чей-то липкий прицеливающийся взгляд, насторожился и, выждав момент, оглянулся, но того, кто смотрел на него, не засек. Пассажиров было много, однако все они имели деловой, сосредоточенный на поездке или внутренних переживаниях вид и на Антона не глядели. Сзади спиной к нему стоял какой-то здоровенный бугай со складчатым мясистым затылком и читал газету, он никак не мог смотреть на Громова, ни прямо, ни косо, ни тайком, но именно он порождал ощущение цепкого оценивающего взгляда, которое невозможно было спутать ни с чем. Ошибиться Антон не мог, слишком хорошо познав в зоне закон «моргал на спине»: его не раз пытались убить по заказу пахана; и Громов научился моментально реагировать на взгляд в спину.

Отвернувшись, он привычно сконцентрировал внимание на внутренней *пустоте*, отгородился этой *пустотой* от всего мира, а затем осторожно выглянул оттуда в «щелочку» сверхчувственного восприятия. И буквально наткнулся на угрожающее «щупальце» чужого внимания к своей персоне. Мгновенно повернувшись, Антон снова увидел широкую спину бугая с газетой, но теперь ему показалось, что при этом он видит еще одну призрачную фигуру, вернее, только часть фигуры – плечи и голову, выглядывающие из спины здоровяка. Сверкнув белыми, без зрачков, глазами, привидение спряталось в спине пассажира с газетой, а потом вдруг отделилось от здоровяка и быстро засеменило прочь, свободно пронизывая тела других людей, избегая женщин, пока не исчезло в конце вагона.

Если бы Антон не знал пределов устойчивости своей психики, он бы запаниковал, посчитав происшедшее галлюцинацией или эффектом разыгравшегося воображения, однако психонергетика уже давно перестала для него быть только научным термином, и о паранормальных явлениях он знал не понаслышке. К тому же свеж был в памяти и рассказ Ильи о прожженной неизвестной субстанцией подушке и особенно о его попытках миновать скалу Синий Камень на озере Ильмень. Все эти чудеса имели вполне реальную основу и объяснялись воздействием на психику человека энергоинформационных, или, как сейчас модно было говорить, торсионных полей.

И все же факт слежки «привидения» за Антоном был тревожным, особенно в свете рассказанного Ильей. Вполне вероятно, что за всеми гостями Пашина началась слежка с использованием магических методов, и Антон подосадовал на себя за то, что не обратил внимания на свои ощущения еще ранним утром.

Прислушиваясь к себе и посматривая по сторонам, он вышел из метро на Пушкинской площади и, не торопясь, побрел по Тверскому бульвару. В течение получаса ничего необычного вокруг больше не происходило, никто за ним не следовал, не сверлил спину взглядом, и Антон успокоился, хотя продолжал держать себя в готовности к любому повороту событий. На пересечении бульвара с Большой Никитской он сел за столик открытого летнего бара и заказал бутылку пива «Миллер». Сидящая под соседним грибком красивая молоденькая девушка напомнила Антону рассказ Ильи о встрече на озере с восемнадцатилетней Владиславой, и мысли свернули в иное русло. Он вспомнил, как много лет назад, будучи таким же юным, встретил свою первую любовь.

Отец Антона был страстным поклонником байдарочных путешествий и, как только удавалось вырваться в отпуск летом, всегда собирал компанию таких же заядлых лодочников, приучив к этому виду отдыха и сына. Антон стал ходить с ним в походы по рекам и озерам Ярославской губернии с двенадцати лет и к восемнадцати греб не хуже признанных мастеров байдарки.

В то лето они спускались по реке Которосль от самого Ярославля, чтобы через Выксу пройти в озеро Неро, на берегу которого у одного из приятелей отца был собственный домик в заповеднике. На ночь остановились у слияния Которосли с рекой Устье и здесь встретили еще одну компанию любителей плавания на байдарках. Среди них была девушка Зоя, в которую и влюбился Антон с первого взгляда.

Этот вечер он запомнил на всю жизнь. Такого с ним не было ни до ни после, хотя с девушками, которые ему нравились, он встречался не однажды. По всей видимости, и он пришелся Зое по душе, потому что на любое его предложение – после знакомства и совместного ужина – она отвечала согласием. Антон пригласил ее побродить у реки – она пошла. Стало темнеть, у него родилась безумная идея поиграть в бадминтон – Зоя согласилась, и они играли до тех пор, пока не растеряли в темноте все воланы. Потом они сидели у костра с компанией и слушали песни под гитару, в два часа ночи остались вдвоем и впервые поцеловались. В начале пятого купались в парящей реке и снова целовались, а затем пошел дождь и загнал их в палатку, где они читали стихи и целовались. Дождь шел все утро, чем несказанно обрадовал Антона, потому что у него появился шанс остаться здесь еще на один день, но отец настоял на отъезде, и они снялись со стоянки и пошли дальше. Зоя плакала, когда они прощались, а он обещал приехать к ней, как только завершится поход и они вернутся домой. Листок с ее адресом и телефоном он спрятал на груди в кармашек рубашки, собираясь выучить его наизусть на первой же стоянке на озере Неро, но дождь хлынул как из ведра, и рубашка намокла. Намок, естественно, и лист из блокнота с адресом Зои. Антон положил его сушить на борт байдарки, а когда тот высох – порыв ветра унес адрес, а с ним надежду на будущие встречи и любовь...

Антон помнил, что он буквально заболел от переживаний, похудел, перестал разговаривать с родителями и друзьями, а потом тайком от всех поехал искать Зою в город, где она жила, – Гаврилов Ям. Но найти ее ему так и не удалось...

Девушка за столиком напротив закурила, закинула ногу на ногу и посмотрела на Антона с особым приглашающим прищуром, и он отвернулся. Она явно скучала и искала повод для знакомства. Знакомиться же ему не хотелось ни с кем. Мысли вернулись к происшествию в метро. От него за версту разило мистикой или шизофренией, но поскольку Антон был трезв, наркотиков не употреблял и психику имел устойчивую к воздействию извне, то причину его видений следовало искать в другом. Например: считать, что призрак, выглядывающий из спины читавшего газету мужчины, существовал реально и представлял собой сгусток какого-то психического поля, отмеченного сознанием Антона. Кто-то действительно следил за ним неким магическим образом, но не рассчитывал, что этот его «поток внимания» будет уловлен объектом слежки.

Посидев еще немного в состоянии эйфорической расслабленности, Антон встряхнулся, оставаясь с виду задумчивым и сонным, и отправился бродить по бульварам дальше, пока не добрался до Арбата, исчерпав запас времени, где взял такси и поехал восвояси, домой к Илье. Поймать за работой тех, кто за ним следил, если таковые имелись, ему не удалось. То ли они перестали за ним наблюдать, то ли применили другие методы, то ли существовали единственно в его воображении. Но уведомить Илью о своей встрече с призраком он все же счел за необходимость.

Пашин, вернувшийся домой точно в два часа дня, сначала отреагировал на сообщение легкомысленно, пошутив о влиянии столичного пива на «экологически чистый» организм бывшего зека, но потом увидел сдвинутые брови Антона и посерьезнел.

– Не обижайся, мастер, я вполне допускаю и мистическое сопровождение собственной персоны, тем более что дед Евстигней меня предупредил об этом. За нами должны и будут следить, и никуда от этого не деться, пока мы будем заниматься Ликом Беса. Мало того, когда служба безопасности храма Морока убедится, что мы намерены довести дело до конца, за нас возьмутся всерьез, и тогда нам пригодятся все наши навыки. Я почти жалею, что втравил тебя в эту историю, но, боюсь, без тебя мне не обойтись.

– Я еду с тобой.

– Спасибо за ответ, хотя я не сомневался в тебе. Другое дело – комплектование экспедиции. Не хочется подвергать опасности других своих друзей, но, видимо, придется, потому что без них я тоже не смогу обойтись.

– Кого ты предполагаешь взять с собой?

– Еще трех-четырех человек, кроме тебя и Серафима.

– Он будет возражать.

– Переживет. Давай поговорим об этом чуть позже, пора ехать к Лере.

– А подарок?

– Я подарю ей от нас обоих только что вышедший трехтомник «Мифы народов мира», статуэтку древнеславянской Богини Лады и цветы.

– Я купил коробку конфет.

– Ну и отлично! Осталось только по пути купить цветы.

Они по очереди постояли под душем, переоделись и сели в машину Ильи, чтобы отправиться в гости, и почти одновременно засекли слежку: следом за ними со двора двинулся «Опель» серого цвета с затемненными стеклами и не отставал до тех пор, пока они не подъехали к дому по Старопанскому переулку в районе Китай-города, где жила приятельница Ильи Валерия Гнедич.

Общеизвестно, что Китай-город – один из древнейших районов Москвы, ведущий свою историю с начала двенадцатого века от торгового и ремесленного посада, разросшегося за несколько столетий под стенами первой укрепленной московской крепости на Боровицком холме по берегам реки Неглинной. Но, как выяснилось в результате раскопок китай-городского холма, поселения здесь существовали уже в начале тысячелетия, хотя деревянные постройки и тротуары и не сохранились, а может быть, сгорели еще до начала строительства собственно Кремля.

Старопанский переулок, выходящий в Богоявленский, назван в тысяча девятьсот двадцать втором году по местности Паны или Старые Паны, упоминавшейся еще в пятисот восьмом году; возможно, здесь действительно селились выходцы из Польши. В довоенное время Старопанский переулок назывался Космодамианским – по имени церкви, остатки которой еще стоят в переулке. Дом, где жили Валерия Гнедич с мужем, был построен в шестидесятых годах и располагался рядом с особняком Аршинова, торговца сукном. Особняк этот был возведен еще в тысяча восемьсот девяносто девятом году архитектором Шехтелем и представлял собой

истинный шедевр архитектурного искусства. Антон, выходя из машины, невольно залюбовался огромным, в три этажа, окном, обрамленным с трех сторон эркерами.

Выяснить, кто же следил за машиной Ильи и с какой целью, не удалось. «Опель» преследователей, сопроводив «Альфа-Ромео» Пашина до Старопанского переулка, исчез, как только друзья вышли из машины.

– Что будем делать? – спросил Антон.

– Ничего, – пожал плечами Илья. – Возможно, они «засветились» намеренно, чтобы предупредить и поугаать. Вот когда начнут мешать по-настоящему, не на шутку, тогда и предпримем ответные меры. Я не сторонник превентивных действий.

– У тебя есть на кого опереться?

– Ты забываешь, что я директор, или, как принято говорить, сэнсэй Школы выживания, которую посещают четыре сотни учеников. Из них вполне можно будет организовать команду, не уступающую по возможностям любому спецназу.

Илья набрал код на замке домофона, они вошли в дом, поднялись по стершимся каменным ступенькам на третий этаж и позвонили в обитую деревянными планками дверь. Спустя несколько секунд дверь отворилась и на пороге возникла улыбающаяся красивая женщина в обтягивающем фигуру белом платье, в которой Антон с изумлением узнал незнакомку из поезда.

– Привет, – сказал Илья, подавая ей цветы. – С днем рождения, львица. – Он поцеловал ее в щеку. – Желаю оставаться такой же молодой и красивой еще сто лет! Знакомься, это Антон Громов, мой давний друг.

Валерия отстранила букет от лица, с не меньшим удивлением разглядывая Антона. Пауза затянулась. Илья заметил замешательство хозяйки и внимательно глянул на обоих.

– Вы что, знакомы?

– Споспешествовал Господь Бог.

– М-да! Когда же это вы успели?

– Потом расскажу. Проходите, почти все гости в сборе. – Валерия с заметным любопытством окинула Антона взглядом и пропустила в прихожую, где он вручил ей подарки и поздравил с днем рождения, причем покраснел, чего с ним не случалось со времен босоногой юности.

Илья прошел в гостиную, где его встретил хор восклицаний, приветствий и смеха, а Валерия проводила туда же Антона.

– Друзья, позвольте представить вам моего спасителя из поезда, о котором я вам рассказывала.

Наступила тишина. Гости Валерии рассматривали Громова с недоверием и сомнением, как объект розыгрыша, потом разом задвигались, засмеялись, начали шутить и веселиться, но тут же перестали, когда хозяйка топнула ногой и сверкнула глазами.

– Я не шучу. Его зовут Антоном, и он справился в вагоне с целой кучей бандитов. Спросите Илью, если не верите.

– Подтверждаю, – кивнул Пашин, подталкивая Антона вперед и шепча ему на ухо: «Не стесняйся, здесь все свои. А когда это ты успел справиться с бандой? Почему я этого не знаю?»

Антон встретил иронический взгляд Серафима Тымко, сидящего на диване между двух очаровательных девиц, и почувствовал мимолетное раздражение. Если Валерия, похоже, в самом деле была обрадована его появлением, то для Серафима эта встреча оказалась сюрпризом не из приятных, судя по кислому выражению его лица.

– Юрий, – подошел к Антону плотный мужчина с ежиком волос, с волевой складкой губ и пристальным взглядом; рукопожатие у него было твердым и сильным, что выдавало в нем такой же твердый характер. – Располагайтесь как дома.

– Это мой муж, – сказала Валерия, наблюдая за лицом Антона. – Подполковник федеральной безопасности.

– Не пугайтесь, – улыбнулся Гнедич. – Я всего лишь научно-техническая крыса, исследователь, а не спецназовец.

– Не прибедряйся, – хлопнул его по плечу Илья. – Гаррисон мог бы писать образ своей стальной крысы с тебя. – Он повернулся к Антону. – Юрий Дмитриевич – заместитель начальника ИП-отдела, а это говорит о многом. Знаешь, что такое ИП-отдел?

Антон отрицательно качнул головой.

– Отдел по изучению паранормальных явлений типа полтергейста, НЛО и тому подобных феноменов. Очень интересной работой занимаются ребята. А Дмитрич очень полезный нам человек в связи с возникшими обстоятельствами.

– Все, господа-приятели, хватит петь друг другу дифирамбы, прошу за стол, – вмешалась Валерия. – Мишу ждать не будем, он если опаздывает, так уж опаздывает часа на два, не меньше.

Гостей было человек двенадцать, все начали рассаживаться вокруг составленных вместе двух столов с закусками и напитками, и Антон оказался сидящим между Валерией и каким-то молодым человеком приятной наружности, оказавшимся филологом, сотрудником института истории Академии наук, в котором работала и Валерия. Близость «гречанки» с голубыми глазами стесняла Антона, он не знал, как себя вести, пока не заметил, что и она чувствует себя не в своей тарелке, и это открытие внезапно сблизило их и привело Антона в состояние горестного восхищения. Он понял, что влюбился в замужнюю женщину, причем влюбился с первого взгляда, как это с ним уже бывало, и теперь ему предстояла долгая борьба с самим собой, чтобы не поддаваться искушению и не стать углом тривиального любовного треугольника.

– Я за вами поухаживаю, – повернулась к нему Валерия. – Вы случайно не вегетарианец?

– Уже нет, – качнул головой Антон, намечая улыбку. – В колонии пришлось питаться тем, что дают, знаете ли.

Валерия посмотрела ему в глаза, но вместо брезгливости или отвращения, каковое она должна была испытывать после его слов, в них явно читался интерес и понимание, и Антону вдруг стало легко на душе, будто его успокаивающе погладили по голове.

– Расскажите?

– Вообще-то не стоит. Зона – это странное и жуткое место, где ценится только сила и стойкость, все остальные человеческие качества там вырождаются и не работают.

– А как вы туда попали? – Валерия положила ему в тарелку салата, грибов, бутерброд с икрой.

Он хотел ответить, но не успел: начались тосты в честь именинницы, и компания стала пить, есть и веселиться, избавив Антона на какое-то время от необходимости копаться в своем прошлом.

Тосты шли косяком, гости хвалили хозяйку, ничуть не кривя душой, на взгляд Антона, и длилось это действие долго, пока тамада – какой-то громадный (в поперечнике) старик, оказавшийся свекром Валерии, не начал повторяться. Общий разговор и смех разбились на несколько отдельных ручейков, общество стало шумнее и развязнее. К Антону подсел тот самый свекор, которого звали Апанасом Геннадиевичем, и углубился в воспоминания – как они справляли дни рождения сорок лет назад.

– Да, мы, русские, пьем много, – сказал он рыкающим басом, – но мы в этом не виноваты. Как бы ни утверждали кое-какие деятели, что это наша национальная особенность – не верьте, молодой человек! Все это брехня, рассчитанная на невежество и глупость. Лерка правильно судачит: виной всему финны...

– Угро-финны, Апанас Геннадиевич, – отвлеклась Валерия на мгновение от беседы с Ильей. – Народ русский – не есть чисто славянский, это и славяне, и тюрко-степняки, и прибалты, а также мордва, мари, удмурты и так далее. Но из них лишь угро-финские народы не имели иммунитета против алкоголя. Поэтому и наш алкогольный «менталитет» лишь исто-

рическое угро-финское наследство, передавшее русскому народу четверть финских «пьяных» генов.

– Как ни говори, – махнул рукой свекор Валерии, – все одно выходит: нету над нами проклятия! Ты со мной согласен, молодой человек?

Антон был согласен. Где-то он читал подобные выводы, и они были ему по душе, хотя людей, терявших от водки человеческий облик, он встречал часто и все равно терпел с трудом.

– Говорят, за рубежом сейчас в моде водка черного цвета, – подошел к беседующим еще один пожилой мужчина, отец Валерии, сухощавый, с орлиным профилем, с шапкой красивых седых волос. – Не пробовали?

Антон отрицательно мотнул головой, а Апанас Геннадиевич с презрительной усмешкой махнул могучей ручищей:

– Лучше русской медовухи напитка в мире нет! А черную водку я пробовал – самогон, да еще плохого качества. По рецепту ее изобретателя она состоит из каких-то натуральных ингредиентов, а по вкусу – самогон. И звучит, между прочим, очень красноречиво: «блевод».

– Ну, это ты загнул, Геннадиевич.

– Истинный крест! Сам по телевизору передачу видел.

– Так ты еще и телевизор смотришь? Не ожидал я от тебя. Если уж что и стоит смотреть по телевидению, так это лишь спектакли Госдумы и шоу политиков – обсмеяться можно. А я вот перестал таращиться на экран. От рекламы у меня поднимается давление и хочется самому кого-нибудь убить.

– Ты прав, – признался несколько смущенный Апанас Геннадиевич. – Смотрю американские фильмы и тоска берет: одни подонки у них там, убийцы, воры, насильники, зажавшиеся дегенераты, полицейские-идиоты и на весь этот конгломерат лишь пара нормальных парней. На всю Америку! И думаю: может, это хорошо, что у нас в Расее так плохо? Может, кто-то там на самом *верху* просто не дает нашему народу зажаться так же, деградировать, как американцы? Да и европейцы тоже.

– Это ты, конечно, преувеличиваешь, Геннадиевич, – похлопал его по плечу отец Валерии. – Но кое в чем, наверное, прав. Лично я не люблю телевидение по другой причине. Уж слишком явно оно ведет наступление на наши души, прямо настоящее зомбирование, как сейчас модно говорить. Мораль усиленно переворачивается с ног на голову, уродство выдается за эталон красоты, глупость за сверхмудрость, этика извращается, истина скрывается, безобразие становится признанным и законным.

– Например?

– Да примеров хоть пруд пруди. Ты вот как считаешь, голубая любовь – это нормальное явление или нет?

– Ну, как тебе сказать, – поскреб макушку Апанас Геннадиевич. – Извращение, на мой взгляд. Но ведь мужики в этом не виноваты?

– Может быть, и не виноваты, хотя нормальными мужиками их назвать уже трудно, но ведь голубые полезли на телеэкран из всех щелей! И это теперь усиленно выдается за норму, буквально превозносится, пропагандируется! Это как понимать?

– Да не бери ты это так близко к сердцу, Никита Кириллович, все проходит, пройдет и мода на голубой экран. Человечество в целом не дурная структура, поймет, что от голубой любви дети не рождаются.

Собравшиеся вокруг разговаривавших глав двух породнившихся семейств гости засмеялись, раздались шутки, восклицания, кто-то начал рассказывать анекдот, и Антон тихонько ретировался в более тихий уголок гостиной, где сидел Серафим Тымко, две девушки и уже знакомый молодой человек с заметной лысиной на макушке. Здесь разговор шел о войне. Серафим делился своим опытом спецназовца, прошедшего огни и воды в Приднестровье, Абхазии и Карабахе. Слушатели у него были благодарные, они охали, ахали, закрывали глаза и цепля-

лись друг за друга, так что Антон вполне понимал красноречие Тымко, равнодушного к слабому полу.

– И вот пошел он ночью во двор, по крупному делу, так сказать. Туалет, сами понимаете, какой там может быть. Ну, Петруха выбрал место за саманной хатой, сел, задумался. Вдруг чует – кто-то вроде как воздух нюхает. Петя голову поднял и видит – рожа из-под стрехи свешивается, синюшная такая, со светящимися белками. Нюхнула пару раз, плюнула на Петруху и исчезла. Тот натурально об...ся, побелел, вскочил в избу, как заорет: тревога! Ну, мы, понятное дело, повыскакивали все с оружием, подумали – духи атакуют. А тут такое дело...

Девушки захихикали, засмеялся и сам Тымко, подмигнув Антону.

– А вот еще случай был, в Карабахе. Двое наших же контрактников сбежали, оказались потом бывшими зеками, и стали караваны армянские грабить...

Это был камешек в огород Антона, и он, правильно оценив жест Серафима, пересел к телевизору, где его минуту спустя нашла Валерия.

– Как вам у нас? Не скучаете?

– Нормально, – чуть смущенно улыбнулся Антон. – Много чего поучительного можно услышать. Давно я так не расслаблялся.

– Правда? – обрадовалась именинница. – А то я за вас переживаю почему-то. Вы хоть ели что-нибудь?

– Спасибо, все очень вкусно и здорово. Не думал, что встречу вас здесь.

– Ну, это не повод для радости, мне кажется.

– Почему же? – запротестовал Антон. – Повод для радости должен быть простым и чистым, как природа, и сейчас как раз такой случай.

– Спасибо. – Валерия задумчиво посмотрела на спокойное лицо Громова. – Вы еще в вагоне показались мне неординарным человеком.

– Конечно, ведь я бывший зек.

– Нет, я не о том. Вы глубже, чем обычный зек, и мне хочется вас понять. Не расскажете, как вы попали в лагерь?

Антон подумал и неожиданно для себя самого рассказал Валерии свою историю. Ее реакция его потрясла.

– Бедный... – тихо проговорила она, погладив пальцами его локоть; он сидел, сцепив ладони на колене. – Нет в этом мире справедливости и, наверное, не будет. А как отнеслась к вашему заключению жена?

Вопрос был с подковыркой, и Антон его оценил. Ответил с легкой усмешкой:

– Если бы она у меня была, она бы поняла.

– Антон всегда славился своей принципиальностью, – вмешался в разговор подошедший Тымко. – У него была одна подруга, да почему-то бросила, ушла к одному полковнику.

– Почему? – подняла брови Валерия.

– Пусть сам расскажет.

Валерия глянула на Антона, оставшегося спокойным, но задавать вопросы больше не стала, внутренним чутьем понимая его состояние. Ехидно бросила в сторону Тымко:

– У тебя, Симочка, богатый опыт по части свадеб и разводов, поделился бы, как тебе удается вешать лапшу на уши бедным женщинам.

– Никому я ничего не вешал, – отмахнулся Серафим. – Они сами на меня вешались, а когда наши взгляды начинали существенно расходиться... короче, по-моему, у Киплинга есть такие строки:

Что мужчине нужна подруга,
Этого женщине не понять.
Тех же, кто с этим согласен,

Не принято в жены брать.

Ну, или что-то в таком роде.

Валерия захлопала в ладоши, девицы засмеялись, заржал и сам знаток Кипплинга, довольный произведенным эффектом. Антон ему тоже мысленно поаплодировал, он не предполагал, что слонокотый Тымко может читать вслух стихи.

– В дополнение к разговору о женах, – сказал Серафим. – Есть анекдот про новых русских. Один нанимает адвоката для развода с женой и спрашивает: «Сколько возьмешь за услуги?» Тот отвечает: «Три тысячи долларов». «Да ты че, с дуба рухнул?! Мне за штуку баксов ее пристрелить берутся!»

В гостиной снова раздался взрыв хохота. Антон встретил взгляд Валерии, в котором можно было прочесть иронию и вопрос, относящийся скорее всего к его реакции на речь Тымко, и слегка кивнул. Было приятно осознавать, что их точки зрения совпадают.

– А вы не воевали в Карабахе, Антон? – спросила Валерия. – Или в Чечне?

– Приходилось, – коротко проговорил Громов, не желая распространяться на эту тему.

– Расскажите, пожалуйста.

Антон отрицательно качнул головой.

– Да нечего рассказывать, все происходило как-то буднично и просто. В нас стреляли, мы стреляли...

– Неужели так-таки ничего интересного не вспомните? – добавила одна из девиц, брюнетка с ярко накрашенными губами.

– Я могу рассказать, – подошел к разговаривающим Илья. – Антон у нас красноречием не отличается, он только в деле хорош. А я с ним в такие переплеты попадал, что романы писать можно. Однако пугать никого не буду, лучше расскажу пару необычных эпизодов, участником которых был и Гром. Так его с детства прозвали. Можете мне не верить, но все происходило на самом деле. Помнишь встречу в Учхоймартане?

Антон кивнул. Забыть этот странный случай было невозможно.

– Мы с Антоном тогда охраняли одного деятеля из МИДа, пытавшегося договориться со старейшинами чеченских кланов, – продолжал Илья, – хотя переговоры в основном вел я, меня там многие знали, оружие до войны дарили, а один тейп даже старинный пулемет предлагал – «гочкис». В общем, поселили нас на окраине Учхоймартана, мы устроились, а ночью вышли вдвоем побродить вокруг дувала. И вот, не поверите: сам до сих пор думаю – не привиделось ли? – тень на крыше зашевелилась. А крыши домов там плоские, без скатов. Я за автомат, а Антон меня удерживает: тише, мол, гляди. Я присмотрелся, и мурашки по коже – натуральный черт сидит, как его описывают в книгах: рожки, глаза в полморды светящиеся, хвост, ноги как у козла. Сидит, за трубу держится, на нас смотрит, а мы на него. Тихо так кругом, только где-то собаки лают. Я уже хотел рявкнуть: пшел вон! А черт вдруг сделал жест – мол, уходите отсюда, и исчез. На что у нас с Антоном нервы железные, а струхнули мы порядочно.

– И что потом было? – спросила заинтригованная Валерия.

– Мы растолкали своего вельможного босса, уговорили его перейти в другую хату, а на рассвете в тот дом, где нас поселили первоначально, кто-то выстрелил из гранатомета.

Слушатели ахнули, удивленные рассказом. Лишь Тымко отнесся к нему скептически.

– Что-то не слышал я о том, чтобы черти предупреждали людей о нападении.

– То, наверное, наш, русский черт был, – засмеялся подполковник Гнедич, подходя и обнимая жену за плечи. – Интересные истории вы рассказываете, Илья Константинович. Вам бы на эстраде выступать или рассказы писать.

– Когда-нибудь напишу мемуары, если доживу до этого времени.

– Еще, еще, – раздался голоса.

– Ты обещал две истории, – напомнила Валерия, высвобождаясь из объятий мужа и кидая на Антона косой взгляд.

Тому на миг стало тоскливо: показалось, что он здесь совершенно лишний, – и Антон осторожно спрятался за спины сгрудившихся вокруг Ильи гостей дома.

– А еще мы с Громом видели домового, – засмеялся Илья. – Но было это уже в России, под Рязанью. Попали мы как-то, путешествуя на лодках по краю, в деревню Чернава, нашли старушку, которая нас приютила в своей избушке...

– Бабу Ягу, что ли? – проворчал Серафим.

– Вроде того. Расположились на ночлег в комнатухе, зажгли свечу – поздно уже было, за полночь, начали консервы вскрывать и тушенку есть, и вдруг чувствуем взгляд. Оглянулись и обомлели: сидит в уголке гном не гном, гриб не гриб, пенек не пенек, в общем – что-то странное, просвечивающее, как туманный кустик в форме карикатурного человечка, но живое, и смотрит на нас. Да так укоризненно смотрит: мол, сами едите, а мне ничего не даете? Ну, мы переглянулись, положили на тарелочку хлеба, сыра, картошки вареной, что бабка нам сготовила, и так с ним и поужинали.

– И он с вами ел? – наивно спросило одно из юных созданий, которую наиболее рьяно обхаживал Тымко.

– Ну что вы, нет, конечно, – снова засмеялся Илья. – Домовой нам только показался и исчез, он не любит, когда люди рядом, а тут, видать, оголодал маленько, вот и вылез. Помнится, мы тогда бабуле половину своего походного НЗ оставили, пенсия-то у нее была крохотная.

Разговор перекинулся в русло бытовых проблем и отношений, потом свернул к моде, поговорили об искусстве, об отечественном кино, в кризисе которого наметился некий перелом – народ наконец опять пошел в кинотеатры, гости разбились на группы, и Антон остался в одиночестве. Но не надолго, к нему вскоре снова подошла Валерия, не забывающая о своей роли радушной хозяйки.

– О чем задумались, Антон? Все-таки скучаете?

– Нет, что вы, – не совсем искренне ответил Антон. – У вас хорошо думается.

– О чем?

– Обо всем понемногу. О человечестве, о нашем обществе, о своем месте в этом обществе.

– Да вы философ, я гляжу, Антон... э-э...

– Андреевич. Можно просто Антон.

– Давайте выпьем на брудершафт и перейдем на «ты», не возражаете? А меня называйте просто Лерой.

– Идет.

Они выпили по глотку вина, поцеловались, что подействовало на Антона подобно удару грома, аж в ушах зазвенело.

– Так что ты там говорил о своем месте в обществе?

Антон с трудом пришел в себя, ощущая, как горят губы, украдкой огляделся, но на них никто не смотрел, и он успокоился.

– Честно говоря, я его еще не нашел. После заключения это будет трудно сделать. Я особенно не увлекался анализом нынешней российской реальности, но отечество, судя по всему, изменилось. Не знаю только, в худшую или в лучшую сторону. Ваш отец в чем-то прав: может быть, действительно России, всем нам, живущим здесь, повезло, что у нас все так плохо?

– Нет, не повезло, – серьезно ответила Валерия. – Россию хотят раздробить на части, исказить ее историю, изменить ее будущее, уничтожить наконец, превратив в «рай потребления» наподобие американского. Общество, целью которого является материальный прогресс, улучшение качества материальной жизни без духовного ее развития, обречено на деградацию и вымирание. Что мы и наблюдаем в Европе и Америке.

– У нас начинается то же самое.

– Не совсем, но власть в России сосредоточена в настоящее время в руках региональной элиты, являющейся верхушкой уголовно-мафиозных структур, а они ориентированы на Запад и, конечно же, пытаются превратить народ страны в быдло. Только это им вряд ли удастся сделать.

Антон заглянул в сияющие голубым светом глаза собеседницы, сказал с уважением:

– Вы говорите...

– Ты.

– Ты говоришь, как заправский политик.

Валерия засмеялась.

– Я всего лишь историк, а это значит – политик вдвойне. Однако не будем о грустном.

Что ты собираешься делать дальше? Пробовал искать работу?

– Пробовал, – нехотя признался он.

– И что же?

– Пока ничего. Человека с такими документами, как у меня, никто не рискнет взять на работу без рекомендаций, а их у меня нет. Вот Илья предложил пойти с ним в экспедицию, я согласился.

– Правда? – обрадовалась она. – Мне он тоже предложил участвовать в походе за камнем Лик Беса, хотя не уточнил, что это такое и с чем его едят. Сегодня, после того, как все разойдётся, он собирается сообщить подробности. А вообще здорово все складывается. Не унывай, после экспедиции найдем мы тебе работу, муж поможет. Он хоть и в научном отделе работает, но знает многих шишек и в других управлениях ФСБ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.